

Наталья Патрацкая

**Дача
ампирной
любви**

Женский роман

Наталья Патрацкая

Дача ампирной любви.
Женский роман

«Издательские решения»

Патрацкая Н.

Дача ампирной любви. Женский роман / Н. Патрацкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962252-5

— Куда деваться? Дача выполнена под мини-замок, а в замках привидения всегда жили. Он сразу, еще при строительстве этого мини-замка, думал о музее! — воскликнул Виктор Сидорович.— Уговорил, привезу своих зверей взамен янтарной мебели, сниму свой грех перед душой Самсона, — произнес важно дядя Сидор.

ISBN 978-5-44-962252-5

© Патрацкая Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Дача ампирной любви Женский роман

Наталья Патрацкая

© Наталья Патрацкая, 2019

ISBN 978-5-4496-2252-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Поздняя осень радовала простором, который появился благодаря отсутствующей листве на деревьях. Стволы деревьев темнели на фоне земли, покрытой жухлой листвой. Рядом с домами листву благополучно собирали и увозили. Но в лесу листва оставалась лежать там, где упала. Анфиса посмотрела за окно и ничего, кроме серого неба, не увидела. В это время в офис зашла женщина по имени Анна Андреевна и предложила путевки в Янтарную страну.

– Отлично. Я поеду, – сказала Анфиса распространительнице путевок в зарубежье.

– А я не поеду, – медленно проговорил красавец Родион.

Анфиса онемела от негодования. Она хотела ехать с ним! Она уже отпросилась с работы, а он ее подставил! Но она промолчала и отошла в сторону. Родион пошел и сел на свое рабочее место, в сторону нее он не смотрел.

В комнату заглянула девушка по имени Полина, она посмотрела в сторону стола начальника и спросила:

– А где Родион?

– Многие стремились к нему, – ответил ей умудренный жизнью Степан Степанович, вертя в руках желтый карандаш НВ.

– Как Вас понимать? – возмущенно спросила девушка.

– А так и понимайте, молодая леди, к нему всегда стоит очередь из женщин. Он Вас слышит, но не видит, – ответил он девушке и медленно повернул голову в сторону Родиона. – Родион, ты что, не слышишь? К тебе дама пришла, очередная твоя поклонница.

– Слышу, но я занят.

– Труженик ты наш. Девушка, Вы слышали ответ? Тот, кто занят, тот Вас не ждет.

– Я поняла. Вероятно, я ошиблась комнатой.

– Бывает, – проворчал Степан Степанович и уткнулся в чертеж, который проверял без всякого удовольствия, но с большим знанием дела. Он был очень способным человеком.

На обед в кафе Анфиса пошла одна, в сторону Родиона она не смотрела.

Он сам подошел к ней с подносом в руках:

– Анфиса, я не могу с тобой поехать! Понимаешь, не могу!

– Не можешь – так не можешь, а я поеду. Я никогда не была на берегу Янтарного моря. Меня Степан Степанович уже отпустил.

– Прости, но ты поедешь без меня, – сказал Родион и удалился, унося свой обед на другой стол.

В вагоне поезда сидела группа туристов, ехавшая на экскурсию к Янтарному морю. В группе было 28 женщин и два мужчины. Один мужчина ехал с женой, второй мужчина был свободен. Анфиса посмотрела на контингент и спокойно достала книгу. Единственный свободный мужчина из 28 женщин безошибочно выбрал ее! Он просто сел рядом с девушкой, читающей в вагоне книгу, в то время как остальные представительницы туристической группы тихо переговаривались между собой.

Анфиса посмотрела на мужчину невидящим взглядом, словно смотрела сквозь него, перед ее глазами была диадема из янтаря. Кому чего, а ей хотелось золотистую диадему, пронизанную солнцем сквозь янтарь.

– Девушка, можно я сяду рядом с Вами? – спросил молодой человек.

Она мельком взглянула на очень короткие волосы над молодым лицом и пододвинулась к окну. До окна оставалось одно посадочное место. Минут через пять рядом проехал грузовой состав, из которого вылетел камень. Этот камень на большой скорости врезался в окно рядом с Анфисой. Стекло рассыпалось на мелкие крошечки и осыпало ее с ног до головы. Она встала, и с ее головы посыпался стеклянный дождь.

Люди заохали.

– Получила я стеклянную диадему, – сказала Анфиса, ни к кому не обращаясь.

– Простите, я не хотел Вас подвигать к окну, все случайно получилось, – быстро проговорил молодой человек.

Плацкартный вагон как единый зал, в нем всем все интересно. Анфиса быстро стала личностью номер один, оказывается, и без конкурса красоты можно достичь некой популярности. Стекло с пола вымела проводница обычным веником. Остатки стекла оставались в деревянной раме вагона. Свежий ветер гулял по вагону. Проводница принесла липкую пленку и залепила отверстие в стекле, пробитое куском твердой породы.

Молодой человек, увенчанный короткой стрижкой, сказал, что его зовут Самсон. Имя заинтриговало. Анфиса перестала на него сердиться, словно он был виноват в том, что стекло разбилось. И только тут она заметила галстук на его шее, на котором был изображен конь. Галстук ему подходил во всех отношениях: Самсон был весь холеный и лоснящийся, как породистый конь. От него исходил отличный запах мужского одеколона, очень тонкого, излучающего свежесть своих компонентов.

Анфиса не думала о том, в каком вагоне ее повезут в Янтарную столицу со старого голубоватого вокзала с башенками. Она почти всегда ездила в купе, а тут собрался веселый табор экскурсантов в плацкартном вагоне. Самсон создал вокруг Анфисы свое поле, которое опекал. С ним было уютно и вкусно. Он угощал ее теми продуктами, которые взял себе в дорогу. У нее ничего, кроме бутербродов из белого нарезного батона с маслом и сыром, не было – это сухой дорожный паек.

Проводница принесла чай в стеклянных стаканах с подстаканниками времен далеких, рядом положила сахар в маленьких брикетах. Дома Анфиса чай с сахаром никогда не пила, но в вагоне вкус менялся, здесь хотелось того, чего нельзя. Мягкие нежные руки молодого человека порхали рядом, они словно клеились к девушке своими клеточками, и это ей начинало нравиться. Вскоре он ушел и пришел в симпатичном спортивном костюме, держа в руках плитку шоколада с орешками. Она ему улыбнулась и отложила в сторону книгу.

За окном темнело. Новая парочка вышла в тамбур – единственное место в вагоне без глаз и ушей. Хотя какие у них могли быть секреты от окружающих? Как оказалось, на данный момент времени они оба были свободными людьми, не обремененными семьями.

Анфиса была девушкой среднего мужского роста, со светлыми волосами, с серыми глазами. Самсон был чуть выше ростом, он обладал правильными чертами лица, большими карими глазами. Он казался стеснительным молодым человеком и очень даже обаятельным. Нет, она никогда не мечтала о таком поклоннике, хотя понимала, что годы идут. Анфиса хотела окончить институт и окончила его. Конечно, она еще была свободной девушкой, если не считать романтической связи с Родионом, который везде успевал: и дома, и на работе. Он был такой человек, на которого никто не обижался и все считали за счастье общаться с ним – любимцем дам всех модификаций.

Янтарная столица пленила экскурсантов маленькими улочками, очень известными по фильмам и поэтому до боли знакомыми. Янтарь был во многих магазинах, Анфиса смотрела на него, но не понимала, что ей нужно от этого янтаря. Понятно, что янтарную диадему, но какую? Бусы из янтаря лежали на прилавках магазинов солнечной россыпью, они были мило обработаны и подобраны по величине.

На автобусе экскурсантов повезли в менее известный город с маленькими историческими домами и одним анекдотом, что семья в стране состоит из трех личностей: он, она и собака. Такой состав семьи вполне устраивал Самсона, он и рассказал этот анекдот. Странное чувство

стадности в покупках довело Анфису до того, что денег на янтарь не осталось. Но о своем желании Самсону она не рассказывала, янтарная диадема – ее мысленная мечта.

В музее моряков и рыбаков удивили тем, что моряки больше получали денег от привоза товаров в виде интересных бутылок с портвейном, чем от ловли рыбы. А дома у рыбаков были вполне приличные, между прочим. Янтарное море произвело на всех должное впечатление своим прохладным дыханием. Самсон так и ходил рядом с Анфисой, они простились только на вокзале...

Вместо янтарной диадемы она привезла домой портвейн в красивой бутылке, которая ей нравилась больше содержимого. Почему Самсона нельзя считать янтарной диадемой? То и другое достается победителю. И, наконец, у Анфисы появился друг по путешествию.

Отец Самсона, Антон Сидорович, с некоторых пор работал директором фирмы «Мистические обстоятельства». Раньше Анфиса директора видела только издали, а теперь она попала в обеспеченную среду обитания. Матерью Самсона оказалась прекрасная женщина с огромным конским хвостом собственных волос, Анна Андреевна. Тактичная женщина обволокла Анфису природным обаянием.

Анфиса почувствовала, что попала в крепкие сети и ей просто так не вырваться из их новой среды. Ее поймали, словно рыбу в море. Да и вырваться из мягких, вкрадчивых объятий Самсона не хотелось.

Сотрудники спокойно выслушали рассказ Анфисы о поездке и женихе.

– А я что говорил?! – спросил или сказал Степан Степанович.

– Нам надо было поспорить на их свадьбу, – отозвался Родион.

– Вы о чем? – спросила Анфиса.

– О тебе, – ответил Родион.

– Так, подробнее, если можно.

– А чего говорить? Экскурсовод выполняла задачу платной свахи. Тебя, Анфиса, высчитали и решили, что ты подойдешь сыну нового директора фирмы. Ты теперь работаешь в фирме отца своего жениха. С новым директором ты не знакомишься, по штату тебе это не положено. А директор про тебя узнал, спросил у нас грешных, да и послал со своим сыном на экскурсию, – объяснил Родион обстоятельства дела.

– Отлично, а кто в меня камень запустил?

– Случайность, – грустно отозвался Родион.

Анфиса жила в однокомнатной квартире в панельном доме. У Самсона была четырехкомнатная квартира в дворянском гнезде – так называли группу кирпичных башен. Самсон и Анфиса купили маленького щенка, создав прообраз семьи из его любимого анекдота.

Квартиру родителей Самсона разменяли на две двухкомнатные квартиры, но... Самсон отказался прописывать Анфису в квартире. К его родителям дорога ей была закрыта. Она вернулась в однокомнатную квартиру и вышла на работу, с которой ее еще не увольняли. Мимолетное гражданское замужество Анфисы было выгодно одному человеку – Самсону. Он под предлогом женитьбы отхватил двухкомнатную квартиру у родителей. Хорошо, что они так и не расписались официально!

Родион и Степан Степанович радостными криками встретили Анфису и промолчали в ответ на ее рассказ о последнем переселении, это уже не их ума дело. Они – люди тактичные.

Полина, кузина Анфисы, узнав о промахе в замужестве Анфисы, пришла в квартиру Самсона. Он одиноко сидел на кожаном черном диване, перед ним стоял черный столик, и смотрел он в черный телевизор. Самсон был в своей черной стихии предметов, ей ли этого не знать!

– Привет, Самсон! Со свободой тебя! – воскликнула Полина, снимая норковую шубку.

– Привет, Полина! Я рад видеть тебя в моих пенатах, – ответил Самсон. – О, мой любимый мех появился!

– А почему ты не купил шубу невесте?
– Незачем баловать Анфису и выращивать из нее баловня судьбы.
– Держишь Анфису в ежовых рукавицах.
– Не твоя ее судьба, а мою совесть ты не потревожишь.
– Понятно, без тебя не обошлось в жизни Анфисы. На вид ты такой мягкий да ласковый, как эта норковая шуба, да не тобою она куплена!

В своей квартире Анна Андреевна взяла в руки издававший трели сотовый телефон:

– Степан Степанович, это ты опять? Просила тебя к нам домой не звонить!
– Анна Андреевна, объясни, почему вы Анфису домой отпустили?
– Не лезь в наши дела, это не нашего с тобой ума дело.
– Политика такая у твоего благоверного?
– Не сыпь соль на рану, и так больно и тревожно. Меня в это дело не пускают, сама по Анфисе и Самсону скучаю.

– Анна Андреевна, я скучаю без тебя. Встретимся?

– Зачем? Все быльем поросло.
– На работу бы вышла, чего дома сидишь?
– С несостоявшейся невесткой в одном подразделении работать?
– А что такого?
– Ладно, без меня обойдетесь.

Антон Сидорович вызвал Полину к себе в кабинет.

– Полина, ты зачем к Самсону ходила?
– А Вам уже сообщили? Я только хотела ему сказать, что он сурово обошелся с Анфисой.
– Ты куда лезешь не в свое дело? Зашла бы в кабинет Самсона на работе, а ты к нему домой пришла. А насчет их жизни – не лезь ты к ним с советами. Все под контролем.
– Суровый у Вас контроль.
– А теперь по делу... Ты хорошо знаешь английский язык? Насколько мне известно, ты занималась на курсах английского языка.

– Давно это было.
– Недавно. Есть предложение нам с тобой поехать в Морскую страну.
– А как на это Ваша жена, Анна Андреевна, прореагирует?
– Ты поедешь в командировку со мной, и это называется работа, – назидательно ответил Антон Сидорович.

– Понятно, работа есть работа, я поеду, – покорно согласилась Полина.

Морская страна находилась в двадцати минутах езды от фирмы и оказалась обычным санаторием, где Полина и Антон Сидорович прожили неделю своей командировки. Через неделю в тот же санаторий приехали Степан Степанович и Анна Андреевна.

Две пары встретились на обеде за одним столом. Тактичность высшей степени проявили все четверо, никто никому не сказал ни слова упрека, после обеда разошлись в том составе, в каком приехали, по своим номерам.

К ужину Полина и Антон Сидорович покинули санаторий.

Анфиса вышла на работу и удивленно заметила, что за столом начальника сидит Родион.

– Родион, ты почему на чужом месте сидишь? – спросила она, улыбаясь.
– Анфиса, это теперь мое место. Приехал Антон Сидорович из командировки, меня повысил, а Степана Степановича понизил в должности.

– Интересно. Напомни свое отчество, господин начальник? Ты случайно не очередной родственник директора?

– Нет, я даже не его племянник. Меня повысили.
– И ты об этом спокойно говоришь?

– Я и живу спокойно, как нормальный холостой мужчина без вредных привычек. Анфиса, поедем вечером в гостиницу, есть одна на примете, отметим мое повышение. Ты вся своя, хорошо влилась в дружный коллектив руководства, – с иронией проговорил Родион.

– А если я не поеду?

– Поедем в другой раз, у женщин свои причуды. Кстати, торт стоит на чайном столе. Я пошутил! Я не начальник!

– Так ты мне больше нравишься. Уйди с чужого места! – прикрикнула Анфиса.

– Торт в честь твоего возвращения из длительного отпуска.

– Ты очень любезен, благодарю.

– «Я хочу быть с тобой!» – пропел он последнюю фразу и посмотрел на белый потолок.

– Ты и так со мной на рабочем месте.

Самсон сидел на своем рабочем месте и наблюдал на экране комнату, в которой сидели Анфиса и Родион. Поведение невесты ему понравилось, и он решил, что за ней еще понаблюдает. Он отключил экран и приступил к основной работе. Анфиса посмотрела в сторону глазка и поняла, что его отключили, но Родиону все равно ничего не сказала, да он, вероятно, и сам все знал. Родион открыл ящик в своем столе.

Светодиод, подключенный к жучку для слежения за работой, не горел. Он давно сделал себе такую информативную подсветку в своем столе. Если не горит в столе светодиод, значит, никто не просматривает комнату, но об этом он свято молчал.

– Анфиса, отбой местной тревоги! Я тебя жду по адресу, – сказал Родион и протянул ей визитку гостиницы.

– Спасибо!

– На том стоим. Анфиса, ты по телефону говори сдержанно или вовсе не говори.

– Спасибо за предупреждение. Только я теперь совсем не понимаю, кто чей в этой фирме.

– И не надо понимать исторически сложившиеся отношения между людьми. Тебя просто использовали, навели справки о твоём здоровье до пятого колена и потом отстранили от дворянского гнезда. Обидно? Досадно?

– Да ладно.

– Умница! Ты мне сразу понравилась, как только я тебя увидел. Но меня лично предупредили, чтобы я к тебе не подходил, что я и выполняю по мере сил.

– А сейчас что изменилось?

– Теперь ты чужая брошенная невеста, и я имею право подойти к тебе, но пока в скрытой форме.

– Шпиономания.

– Нет, способ существования.

– Хорошо, с тебя янтарная диадема.

– А это еще что такое?

– Мечта моя янтарная.

– А что, янтарь на свете кончился? – усмехнулся Родион.

– Нет, но я хочу янтарную диадему.

– От меня что надо?

– На самом деле я хочу янтарный ободок.

– Вот это понятней, купи ободок и наклейте на него янтарь.

Самсон вскоре улетел за океан. У него было свое спортивное хобби: он любил играть в хоккей. А теперь он сидел на крыше своей гостиницы-небоскреба и болтал ногами, посматривая вдаль. Сегодня на его долю свалились неприятности мирового масштаба. Его бесконечно грустные глаза осматривали зону действия без доступа в сеть взаимосвязей.

Он тосковал о бескрайних просторах совсем другой страны. Да, там бы его никто не загнал на крышу небоскреба, поскольку там их не было, в том смысле, что на бескрайних

просторах не было смысла строить небоскребы. Да и зачем скрести небо зданиями, если есть обыкновенный простор для счастья?

Так вот в чем дело! Скрести можно лед коньками, которые он бросил в гостинице. Вот пусть они там и лежат! Нет, он не хоккеист! Хотя как сказать: этот вид мужского спорта он любил с детства. Сколько себя Самсон помнил, он всегда себя помнил на коньках на ледяной арене. Ну почему он сломал клюшку о голову именитого хоккеиста?! Вот теперь сидит на крыше, сбегаая от всех видов наказаний, а тот хоккеист только пошатнулся.

«Так, с этого места поподробнее, пожалуйста», – сказал он сам себе. Клюшка сломалась, а соперник только покачнулся. Значит, клюшку кто-то повредил до выступления! Тогда за что его наказывать? Что он такого сделал? В этот момент над ним закружил вертолет. Голос, усиленный микрофоном, приказывал Самсону подняться на борт вертолета. Вертолет опустился на крышу небоскреба. К нему подбежал его тренер и попытался словами воздействовать на своего подопечного хоккеиста.

– Самсон, все в порядке! Тебя никто ни в чем не обвиняет! Некто хотел занять твоё место в сборной команде и довёл тебя до бешенства. Платон подточил твою клюшку, а потом ловко замазал слабое место. Да, Платон – именитый хоккеист, но его время в прошлом. Ты – наше будущее!

Самсон, медленно отталкиваясь руками, стал отползать задом от края здания. И в этот момент над ним оказалась ещё одна птица. Её огромные чёрные крылья отбросили тренера к вертолету. Нечто оранжевое склонилось над Самсоном. Красный клюв схватил хоккеиста за жилет и оттащил его от края вселенной. Ещё пара секунд – и кондор во всей своей красе поднял Самсона над крышей. Молодой человек парил над небоскребом, ощущая всю прелесть розоватых лап птицы.

Кондора только накануне выпустили на волю из клетки, гордую птицу тянуло в город. Он воспринимал здания как горы. Люди для него были потенциальной падалью, и их было много. От человека, сидящего на краю крыши, веяло вечностью, его жизнь висела на волоске, он уже был падалью, значит, он был потенциальной пищей. Кондор воспринял вертолет как соперника и решил отобрать у него свою пищу, что он и сделал.

Самсон нервно схватился за кольца на лапах птицы, чтобы не уйти в свободный полет между гигантскими зданиями. У него не было страха, он прошел это чувство, сидя на краю крыши. Азарт – вот что владело им в полной мере! Он летел! А тренер остался ни с чем. Пусть теперь тренирует хоккеиста Платона.

Жизнь была прекрасна. Кондор почувствовал хватку жертвы, скосил на человека красные глаза и полетел над океанским побережьем. У кондора на примете было одно место, где никто не помешал бы ему съесть свою жертву.

Вертолет закружил над кондором.

Но птица, сложив крылья, практически нырнула в золотистые листья кленов. Самсон почувствовал, что когти разжались, и он сам отпустил кольца на лапах. Молодой человек приземлился на опавшие листья клена и с восхищением осмотрел диковинную птицу. Кондор сел на ближнюю скамейку и безвинно взирал на человека. Они друг другу понравились. Где-то верху кричал тренер в мегафон, но это никого не волновало.

Самсон подошел к кондору, погладил черное оперение и почувствовал в нем родственную душу. Оставалось придумать, как им жить дальше. Почему-то Самсон ощутил в кондоре неуверенность, словно он был первый день на свободе.

Решение пришло мгновенно, но показалось нелепым. Где жить хоккеисту с кондором? Конечно, на льду! Самсон привык носить на себе вес хоккейной формы. Кондор весил не меньше. Он погладил птицу и почувствовал, что его погладили в ответ. Цирк на льду! Если из него не получился выдающийся хоккеист, то из него вполне получится ледовый циркач с живыми крыльями кондора на плечах.

Кондор распахнул свои трехметровые крылья, показывая белые полосы. Дух у Самсона перехватило от такой красоты. «Мы сработаемся», – подумал он. И кондор обнял его огромными крыльями в знак согласия. Между ними возникла взаимосвязь, еще неосознанная, трепетная, но она нарастала и крепла с каждой минутой. Не успел он помечтать о выступлениях с кондором, как огромная птица взмахнула крыльями и улетела.

Поездка за океан оказалась короткой, и теперь Самсон лежал на вращающемся ложе, которое крутилось мимо замкнутого панорамного экрана. Он не любил переключать каналы, но любил переключать судьбы людей. Перед ним проплывали горы и долины, реки и водопады. Он не любил сидеть, но любил лежа рассматривать пейзажи земли. Он лежал и смотрел по сторонам, пока в его голове не возникало нечто неосознанное, которое вскоре превращалось в определенную мысль.

Над экраном с пейзажами стали появляться лица людей, которые, как горы, определяли рельеф населенного пункта. В задачу Самсона входило негативно-позитивное развлечение общества. Он прекрасно понимал, что людям надо давать передышку для решения личных дел вместо переживания за общие проблемы человечества. Он дело поставил так, что известные люди откупались от него еще большей популярностью. Они выворачивали свою жизнь наизнанку на экранах, и это их спасало от еще большей кары в жизни.

Мысль о планетах и людях закончилась в голове странной фразой: «Не стоит жить на астероидах прошлого Фазтона, надо жить на планете настоящего и не думать всерьез о планете будущего, о Венере». Но не думать он не мог о своей Венере, которую звали Анфиса.

Степан Степанович и Анна Андреевна остались одни за столом столовой санатория. Ужин прошел в молчании. На улице Степан Степанович заговорил:

– Анна Андреевна, ты знала, что твой муж в этом санатории отдыхает?

– Сколько живу с Антоном Сидоровичем, столько и не знаю, чего от него ожидать. Знаешь, если ему покажется, что за ним следят, то он резко меняет свой маршрут. Он выбрасывает дорогие билеты на поезд и самолет, меняет время, меняет место. Я ничему не удивляюсь.

– Да, но мы попали в глупое положение!

– Я этого не заметила. У Антона Сидоровича и Полины есть общая работа, они имеют право на встречи. Тебя в должности не понизят, – заверила Анна Андреевна.

– Будем надеяться. Меня волнует, почему Самсон улетел за океан и не прописал у себя Анфису?

– Столичный подход. Мы из-за них пошли на размен квартиры с доплатой, а Самсон теперь один живет в двухкомнатной квартире. Он вчера вернулся из очередной поездки.

– Анна Андреевна, ты что-то можешь изменить?

– Нет. Плохо то, что Анфиса найдет себе другого мужчину.

– Родиона.

– Откуда ты знаешь? – спросила Анна Андреевна.

– Я уверен, что они сегодня встретятся, используя мое отсутствие на работе для разговоров на личные темы.

– Вот и все, круг измен замкнулся в очередной раз.

– Это жизнь, а не измены, – сурово проговорил Степан Степанович.

Глава 2

Самсон сидел дома и рисовал план двухэтажного особняка. За океаном таких особняков было полно, а здесь их почти не строили. Ему было скучно. Он механически набрал номер телефона Анфисы.

- Анфиса, я виноват перед тобой. Ты виновата передо мной. Возвращайся ко мне.
- Я в чем виновата?
- Ты сегодня была с Родионом.
- Угадал. Я была с ним как брошенная тобой девушка.
- Я бросил, я и подниму. Сажу и рисую план нашего дома, нужен твой совет. Но после Родиона я не хочу тебя видеть, а завтра приезжай или совсем переезжай ко мне. Я пришлю тебе помощников.
- Подумаю.
- Думать не надо, надо просто ко мне вернуться. У тебя была мечта под названием «Родион», ты его получила, теперь без мечты возвращайся.
- Самсон, я не буду жить в твоём новом особняке, – сказала Анфиса.
- Почему, если это не секрет фирмы «Одуванчик»? – удивленно спросил Самсон.
- Понимаешь, я не могу жить в частных домах, у меня комплекс больших зданий, я боюсь дач и маленьких домов.
- Анфиса, мы поставим охранную сигнализацию по всему периметру дома.
- Мне квартира в многоэтажном доме больше подходит.
- Так, один вопрос решили. Есть второй вопрос: ты родишь мне дочь?
- Да не вопрос, но в моей квартире нам будет тесно.
- Слушай, а у тебя нет где-нибудь сестры или брата?
- Зачем тебе они?
- Понимаешь, мне тут теорию развернули: если в семье жены было двое детей, то и она двоих детей родит, если трое – родит троих, а ты что, одна у матери?
- Ты ведь знаешь, у меня есть двоюродная сестра Полина.
- Очень хорошо! Значит, у меня будет двоюродная дочь!
- Сомневаюсь, мы с тобой вместе не живем.
- Ты забыла, что я пропускал твою мечту – Родиона, а после него надо месяц ждать, чтобы быть уверенным, что дочь будет моя, а не двоюродная.
- Благоразумный у меня жених.
- Через месяц переедешь в мою квартиру. Нет, Анфиса, не могу я ждать месяц! Я соскучился! Ты мне сейчас нужна! Только скажи мне, что с Родионом ты не была.
- Я с Родионом не была.
- А я поверю, хотя от ревности меня выкручивает всего.
- Живи спокойно.

Вскоре к Анфисе домой вместе с Самсоном пришли два парня, они взяли ее вещи и унесли. Жизнь ее усложнилась, впервые все заботы легли на ее плечи. Но надо отдать должное Самсону, он привозил продукты и иногда мыл посуду. Они стали одной семьей в новом качестве и сами себе понравились. Самсон подошел к Анфисе, поднял ее на руки и отнес на большую кровать. Анфиса подумала, что Самсон ей больше подходит, чем Родион, но вырвалась и убежала. Самсон на этом не успокоился.

На работе Анфиса с Родионом говорила теперь только о работе, словно между ними никогда и ничего не было. Приехал из санатория Степан Степанович, и все встало на свои места.

Иногда Анфиса задумчиво смотрела в сторону Родиона, только и всего, потом она переводила взгляд на маленькое зеркало на полочке, стоящее над рабочим столом. Ей опять безумно хотелось янтарный обруч на голову. Она встряхивала своей рыжеватой гривой волос и опускала голову над очередной разработкой.

Вспомнила Анфиса кузину Полину на свою голову! Раздался телефонный звонок:

– Анфиса, будь другом, хочу волосы нарастить! Весна, сама понимаешь! Дай денег, ты у нас теперь богатая.

– С чего ты это решила?

– Муж у тебя – богатый Буратино, а мне как раз пяти золотых не хватает.

– Полина, я чего-то не понимаю?

– Интересное кино, что я забыла в дачном захолустье? А тут столица, ты уехала – я приехала на твоё место.

– У меня нет денег.

– Чего я перед тобой душу открываю, если у тебя денег нет? Жадная стала? Кузине денег не осталось? – возмутилась Полина.

– Проси у своего мужчины.

– Издеваешься? У меня сейчас отношения без финансовых взаимных вливаний и официальных бумаг.

– У меня денег нет.

Анфиса вспомнила, как Полина очередной раз устраивалась к ним на работу.

– Анфиса, я и твой будущий муж должны знать друг друга, – сказала Полина.

Вышел Самсон, поздоровался.

– Самсон, возьмите меня к себе на работу, – неожиданно для всех попросила Полина. – Я среди вас словно бедная родственница.

Самсон окинул внешний облик странной сестры своей невесты, нашел между ними и сходство, и различие. Полина была ниже ростом.

– Полина, а кем бы Вы хотели работать?

– А Вы как думаете?

– Мне о Вас Анфиса почти ничего не говорила, пройдите в комнату, поговорим.

– Я потому о ней и не говорила, что Полина путем нигде не училась, в учебе у нее была отъявленная лень, но в менеджеры выбилась, да, видно, ей этот труд с поездками порядком надоел.

– Полина, я в затруднительном положении, у нас научно-техническая фирма, могу Вас устроить в бухгалтерию, если переучитесь, больше ничего на ум не приходит. Машину водить можете? – спросил Самсон.

– Не могу.

– Так и я могу ответить Вам: могу взять с последующим обучением.

– Вот Вы какой! – сказала Полина и направилась к двери.

Анфиса пошла следом за ней с одной целью – закрыть дверь.

– До свидания, Анфиса, – сказала Полина, закрывая за собой дверь.

Полина вышла и расплакалась. Амбиций у нее много, а способностей к труду, мало...

– Красивая у тебя сестра, – сказал Самсон.

– А на работу не взял.

– Куда, не скажешь? Вы не очень дружные сестры.

– Самсон, меняй тему, она сама разберется в своих делах, у нее свои непонятные мне способности.

– Заметно.

Полину на работу в хозяйственную службу взял отец Самсона, Антон Сидорович. Как бы они в командировку вместе ездили? А так по делам службы.

У весеннего солнца могучая энергия, которая слизывала своим языком снег достаточно быстро, обнажая асфальт, землю и цветы. Оказалось, что различных видов подснежников много, или это просто ранние цветы, и они в скором времени готовы цвести на радость изголодавшимся по цветовой гамме природы глазам. Анна Андреевна посмотрела в окно, а потом на себя в зеркало и осталась довольна своим изображением, она старела медленно и красиво.

Антон Сидорович всегда гордился внешними данными своей супруги, но стопроцентной верности у них не получилось, и они друг друга не винили: так и жили красивой парой, отдыхая друг от друга по взаимному соглашению. Поразительно, но факт: они всегда обращались друг к другу весьма благожелательно, не произнося упреков и назиданий. Они вели себя друг с другом весьма тактично, приветливо и сдержанно.

И весна не вносила коррективы в их сформированные длительной жизнью отношения. Чистота в квартире и на даче всегда была не назойливой, а естественной. Они держали приходящую домработницу, она отмывала поверхности, чистила и ухаживала. Сами они вещи не разбрасывали, и все у них было хорошо. Тыл директора фирмы был весьма надежный. С сотрудниками он вел себя сдержанно: не бранил, не хвалил, хорошо платил за работу. Идеальный человек, если не считать некоторых личных тайн. Так, ничего особенного.

Когда-то Антон Сидорович был безмерно беден, работал в шахте, но ему повезло. А работал в шахте он для того, чтобы написать в анкете, что он из рабочих. Для шахтеров в отдаленные времена в учебном институте существовали дополнительные места.

Шахта, где Антон работал, находилась рядом со старой шахтой, в которой некто спрятал бочку, но не с медом, а с янтарем. Было ощущение, что этот янтарь оторвали от стены, одним словом, янтарь, «бывший в употреблении». Антон в отсеке шахты отбойным молотком коснулся бочки. Сквозь руду под светом фонаря, расположенного на шахтерской каске, сверкнули брызги янтаря. Он остановился, оглянулся, рядом никого не было. Оставалось вынести бочку на поверхность без посторонних глаз.

Наверху дежурила девушка по имени Анна, она выдавала шахтерам фонари и прочие принадлежности для спуска под землю. Антон с ней договорился о том, что бочку с янтарем поднимут вдвоем. Они подняли бочку на поверхность земли.

А что такое янтарь после железной руды? Пушок. Спрятали янтарную бочку. Анна и Антон сдружились, оба поступили в институты и окончили их. Антон быстро нашел пути сбыта и обработки янтаря. Он делал уникальные длинные бусины, которые смотрелись как украшения времен Клеопатры. Божественно. Создал Антон Сидорович малую фирму, потом большую фирму, умнее были и задачи, но начало его успеха было такое: от янтарной бочки.

...Сидор, младший лейтенант советской армии, сидел в закрытом помещении и отдирал от панелей янтарной комнаты янтарь. Стены, разобранные на панели, то есть на составляющие части, стояли одна за другой. Ему помогали несколько человек рядовых. Их охраняли люди в черной форме. Младший лейтенант понимал, что жить ему остается немного, он будет жить, пока он добывает янтарь.

В свое время он видел эту янтарную комнату. А теперь сидел и портил шедевр мировой архитектуры. Янтарь укладывали в бочку. На дне бочки он положил записку со своим именем, что именно он наполнял ее янтарем. Эту записку обнаружил Антон Сидорович, когда вытаскивал из бочки янтарь и расфасовывал по более мелкой таре. Он решил, что именно он сын младшего лейтенанта Сидора...

Анфиса эту историю услышала от Самсона и страшно удивилась, что ее мечта прошла рядом с историей создания его семейства.

— Самсон, почему о своей находке твои родители никому не сообщили?

– Не верили в безнаказанность. Люди раньше всего боялись. И, найдя то, что другие люди искали по всему миру, предпочли молчание. Я все фильмы по телевизору о янтарной комнате просмотрел.

– А янтарь еще остался?

– Вряд ли, осталась семейная легенда.

– По принципу «а был ли мальчик»? Жалко, что все исчезло, мне на янтарную диадему не оставили.

– Опять ты про диадему! Куплю я тебе янтарь, не такой уж он и дорогой, чтобы всю жизнь мучиться над простым желанием.

– Диадема должна быть ажурная, из чистого золота, а в нее вставлен янтарь.

– Выполнимо. Тебе сейчас нужна диадема или подождешь?

– Еще ее надо нарисовать.

– Мама с такой задачей справится, поговори с ней. Эта тема лучше, чем твоя связь с Родионом.

– Опять ты за рыбу деньги. Мы с ним работаем, и все.

Анна Андреевна решила сделать ремонт в квартире. Она сама снимала обои и нашла странное место в стене: звук от него был пустой, а обои в этом месте с трудом можно было ободрать. Под обоями она нашла тонкую пластину, под пластиной располагалась ниша, в которой лежали четыре пакета из-под молока.

Литровые картонные пакеты были набиты янтарем. Она крутила в руке пакет с нарисованными синими листиками, внутри пакета поблескивали янтарные камушки. Она вынула один янтарь и обнаружила, что одна его сторона была неровной, словно на ней был клей, потом его чем-то отдирали. Она поставила пакет на стол до прихода мужа.

Антон Сидорович, заметив пакет с янтарем, весь перекосялся:

– Анна, ты зачем достала пакет из тайника?

– Так это был тайник со старым янтарем?

– Янтарь сам по себе – старый кусок смолы.

– Но это использованный янтарь.

– Больше скажу, но не сейчас.

– А, так это тот янтарь, который обдирал в войну с панелей янтарной комнаты твой отец Сидор?

– Вспомнила? Да, это он.

– Отдадим в музей?

– Нет.

– Понятно, но историческая ценность мирового значения стоит дороже бус из него.

– Вероятно, все так, как ты говоришь, но такая реклама может оказаться антирекламой до конца жизни! Нас затаскают по мероприятиям, и еще нашим детям достанется. Анна, молчи о находке, умоляю, никому ни слова! Забудь все это еще раз!

Анна Андреевна позвонила сыну:

– Самсон, приезжай домой! Есть наследство от твоего деда Сидора! Жду. Но ты должен приехать в тот момент, когда твой отец еще на работе будет.

– Мама, ты загадки задаешь. Приеду перед обедом.

Самсон посмотрел на янтарь, послушал версию матери на эту тему и сказал:

– Янтарь – слишком серьезное обвинение моему деду и отцу, чтобы быть правдой.

– Что делать будем? – спросила тревожно мать.

– Положи туда, где взяла, и замуруй покрепче.

– Жалко столько добра в стену замуровывать.

– Жалко – так забирай себе, чай, наследство от моего деда или все, что от него осталось. Анфиса мечтает о диадеме из янтаря, а тут целый литр этого добра, я бы взял. Но что отец на это скажет?

– Я думала, что ты мне отдашь, а ты своей зазнобе подарок готов сделать!

– Мама, так я возьму дары стены нашей?

– Забирай, спать лучше буду.

Самсон попросил Анфису задержаться на работе после ухода отца.

– Что еще придумал? – спросила она с раздражением.

– Есть янтарь для твоей диадемы, много янтаря.

– Отлично, но где взять много золота?

– У отца.

– Понятно, а ему можно сказать, что янтарь есть у тебя?

– Говори, все равно узнает.

– Собрание соберем?

– «Треугольник» такое собрание называется.

– Нет, у нас многогранник.

Анна Андреевна не выдержала секрета и рассказала бабкам на улице о своей находке в стене. Бабы разные бывают, одна сообщила в милицию, вторая в музей сбегала, подставили ее со всех сторон. Анна Андреевна обрадоваться не успела, как приехали люди и забрали янтарь на экспертизу. Любой янтарь заканчивается.

Антон Сидорович спросил у экспертов:

– Куда янтарь повезли? Не знаете? Узнаю.

Достаточно быстро директор выяснил, куда повезли янтарь на экспертизу, он сам туда возил янтарь из этой серии. Джип, два охранника, пара автоматов – и он выехал навстречу тихоходной машине тех, кто вез янтарь на экспертизу. Они не столько везли, сколько делили его между собой, но машина этих людей была ему известна.

Во время дележки янтаря рядом с машиной остановился джип Антона Сидоровича. Он остался в машине, его охранники внезапным нападением без капли крови добыли литровые пакеты с янтарем. Он вновь держал янтарь в руках, гладкие камни приятно грели его ладони. Он решил янтарь никому не отдавать в память о шахте и так, чтобы было.

Осталась Анфиса ни с чем, но прослышала, что ее мечта осталась в сейфе директора. Все остальные участники этой истории поволновались да забыли, или думали так молча. Она решила взять янтарь в руки, но причины выхода на директора у нее не было, разве что через Самсона. Все-таки он сын, да и она не совсем чужая.

Анфиса напомнила Самсону о своей мечте, исчезнувшей в сейфе его отца.

– Анфиса, давай купим несколько янтарных бус и сделаем тебе диадему, перестанешь меня мучить.

– Принципиально хочу исторические камни, без истории они имеют маленькую цену.

– Спрошу у отца при случае, не торопи.

– Жду, родной, а пока супружеский долг в сейфе полежит, – и Анфиса пошла в комнату, где на диване уснула.

Однажды в парикмахерской Полина услышала, как женщина рассказывала про янтарь, найденный в стене в пакетах из-под молока. Она решила, что Анфиса должна знать продолжение этого рассказа.

– Анфиса, это у вас стены из янтаря стали делать? – спросила ехидно Полина по телефону.

– Полина, привет, откуда такая новость?

– Из парикмахерского салона. Я слышала рассказ из соседнего кресла, пока меня стригли.

- Быстро новости без газет разносятся, надо торопиться.
- Куда, сестричка, собралась торопиться?
- Хочу я именно этот янтарь.
- А кто сомневался! Ты с детства бредишь янтарем, а сама ни одного камня не купила!

У меня и то есть кулон и сережки! Купи себе сама янтарь и угомонись.

- Угомонюсь, но не все так быстро делается. Я янтарную диадему хочу.
- Все, твои «хочу» у меня в печенках, пока...

Анфиса на работе обсудила последние новости с Родионом. Он промолчал в ответ, а потом и просто отвернулся к своему рабочему месту. Анфиса на него почти не обиделась и пошла работать.

Антон Сидорович, посмотрев на странный диалог на экране телевизора, промолчал. Самсон не промолчал:

- Анфиса, отец хочет с тобой лично поговорить. Ждет тебя вечером у себя дома.
- Ты со мной поедешь?
- Нет, ты поедешь одна.

Антон Сидорович дома был один.

- Привет, Анфиса! Пришла за янтарной мечтой?
- А Вы мне мою мечту покажете?
- Цену знаешь? Мы с тобой поедem в Морскую страну. Обойдемся без переводчика.

Поедем завтра в командировку.

- Меня непустят.
- Считай, что все отпустили.

Утром Анфиса медленно спускалась по лестнице своего подъезда, лифт кто-то тормозил. Она шла пешком с небольшой походной сумкой. Сверху слышались быстрые шаги, которые ее догоняли. Она остановилась, повернула голову: ее глаза встретились с глазами мужчины, одетого в пиджак фирмы строителей. Он держал в руке три отрезка металлических труб разной длины.

Пот прошел по телу. Анфиса сделала вид, что не испугалась, и быстрым шагом пошла к входной двери подъезда. Мужчина шел следом. Она резко остановилась и еще раз повернула голову. Он опустил три трубы вниз. Она нажала на кнопку входной двери, но дверь не открылась. Она нажала еще раз на черную кнопку замка, и дверь открылась. Мужчина догнал женщину. Они вместе вышли из подъезда.

У страха глаза велики.

Рядом с подъездом стояла машина Антона Сидоровича, его шофер потянулся через кресло, нажал на кнопку задней двери. Анфиса открыла заднюю дверь, села на сиденье, рядом поставила небольшую походную сумку. Машина тронулась с места и плавно поехала мимо дома. Мужик с трубами шел в другую сторону.

- Здравствуй, Анфиса, – промурлыкал Антон Сидорович.
- Доброе утро, Антон Сидорович! А Вы не забыли, что я девушка Вашего сына?
- Дорогая моя, я в курсе семейной жизни своего сына. Я знаю, что ты отлично спишь одна в комнате. Мало того, я знаю, что у тебя и у Родиона в гостинице было свидание, но ты – сексуальная ленивица: ты скрылась из гостиницы. Ты оставила красавца Родиона при его интересе в одном нижнем белье.

– Я львица, а не ленивица.

– Это уже лучше звучит. Ты слышишь, она у нас львица, – обратился Антон Сидорович к шоферу.

- Звучит красиво. Когда за вами приезжать?
- Я позвоню.

Дальше ехали и молчали. За окном мелькал лесной пейзаж или дачные дома нового образца. Машина остановилась у двухэтажного особняка. Металлические двери бесшумно раздвинулись в две стороны. Машина въехала во двор. Анфиса заметила на крыльце пожилую женщину и двух мужчин с видом охранников.

Машина остановилась. Анфиса и Антон Сидорович вышли из машины.

– Хозяйка, встречай гостей, мы надолго приехали!

– Антон Сидорович, мы всегда Вас ждем! У нас все готово.

– Отлично, покажи комнату госте, ее зовут Анфиса.

Анфиса вошла в комнату с круглой кроватью в центре комнаты. Комната была квадратная, но в углах стояли скругленные шкафы разного назначения. Ей понравилось временное жилье. Она села в кресло у окна, еще раз окинула взглядом комнату, заметила скрытую дверь, обнаружила за ней ванну и прочее.

Рядом с креслом стоял журнальный столик, на нем лежал компьютер в виде книжки – ноутбук. Все она понимала, кроме того, что ничего не понимала! Зачем ее привезли на эту дачу? Анфиса вздрогнула и подняла глаза: над кроватью висело круглое панно из янтаря, маленькие светильники располагались вокруг него – это уже интересно.

В комнату вошел Антон Сидорович, его внешний вид вызывал невольное уважение. Благородное лицо обрамляла небольшая седина, уложенная в красивую мужскую прическу. Анфиса впервые посмотрела на потенциального свекра как на мужчину, и он молодой женщине понравился.

– Анфиса, надеюсь, тебе здесь будет хорошо! А сейчас для тебя принесут работу.

В комнату вошли двое мужчин и внесли две красивые картонные коробки.

– Да, это работа для тебя. Здесь янтарь, раз он тебе нравится. Просмотри камушки, продумай прямоугольные панели для этой комнаты. Эта дача на продажу. Ты здесь будешь жить некоторое время, пока не придумаешь весь дизайн.

– А Вы уедете, Антон Сидорович?

– Как это ни странно, нет. У меня здесь есть дело. А то, что ты придумаешь, будет использоваться для серийных панелей с искусственным янтарем.

– Понятно, господин директор. Панели мне принесут?

– Они здесь, ты их не заметила. Их три штуки.

– Я думала, что это часть дизайна комнаты.

– Будущего дизайнера.

– Пригласили бы настоящего дизайнера.

– Мне нужен истинный любитель янтаря, а это ты, моя дорогая.

– Но я не Ваша дорогая.

– Это дело времени. И еще, в твоём компьютере есть программа с набором ажур для панелей. Орнамент будет выполнен из золота либо с его напылением. Выбери рисунки для панелей под янтарь. Ты хотела янтарную диадему?

– Я Вам об этом не говорила.

– Все разговоры, достойные моих ушей, ко мне приходят.

Как оказалось, кропотливая работа с янтарем была не для Анфисы, она через пару дней подошла к Антону Сидоровичу и отказалась от бессмысленного труда.

– А как же мечта?

– А я не передумала мечтать о янтарной диадеме...

Анфиса прочитала письмо от Самсона, слова в них были еще те. «Ты меня не заслужила!» – повторяла она вновь и вновь его слова из письма. Он написал такие суровые слова! Анфиса глубоко вздохнула и нажала на педаль автомобиля, подаренного ей хозяином кафе. Машина рванула с места в карьер.

«Именно в карьер», – повторила она мысленно, останавливаясь у старого карьера и выходя из машины. Она недоуменно осмотрела окрестности. Людей нигде не было видно. Зеленая тоска охватывала Анфису волнами, которые накатывались на нее приступами тяжелейшего состояния обреченности. Она вздрогнула, посмотрела под ноги и отшатнулась от края карьера. «Обрыв не для меня, – вдруг подумала она, распрямившись, точно пружина. – Обрыв для него».

Гравий шуршал под ногами. Анфису потащило к пропасти. Почва из-под ног уходила. Ей отчаянно захотелось жить. «Жить хочу!» – кричала душа, но ее никто не слышал. Она упала и замерла. Движение гравия прекратилось. Появилась слабая надежда на спасение. Она глазами искала любой выступ, чтобы зацепиться, чтобы не съехать в этот самый карьер.

Глава 3

«Ты меня не заслужила!» – всплыло в памяти Анфисы. Пусть не заслужила, жила бы себе да жила. Она стала ползти медленно, как будто кто подсказывал телодвижения. Гравий колот тело. Пальцы болели. Она боялась ошибиться и упасть в пропасть, пусть не очень глубокую, но колкую и безвыходную, как сама ситуация.

Машина стояла в стороне от гравия, на застывшем куске бетона, и манила своим уютом. Гравий перестал сыпаться. Руки почувствовали старый бетон. Анфиса встала на колени, потом поднялась на ноги. Она посмотрела на свой ободранный облик, села в машину, взяла распечатанное на принтере письмо.

«Чтобы приехала в среду ко мне! Мне еще нужно найти тебе замену! Вот и сиди одна до гробовой доски, а ко мне не лезь! Ты меня вообще не заслужила! Не тормози меня!» – писал Самсон. Анфиса перечитала два раза все слова и усмехнулась.

На письме появилась кровь из пораненных о гравий пальцев. Обида прошла. В сердце появилась пустота безразличия, а рваная одежда успокаивала. Она выжила, а это главное слов. Она пройдет этот ад одиночества. Она слегка отъехала назад на машине, потом развернулась и остановилась.

Перед машиной стоял молодой человек в куртке цвета песка, со старым рюкзаком на плече и в высоких резиновых сапогах. Он измученно улыбался. Анфисе стало страшно, но она произнесла фразу: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать», – после этих слов она открыла дверь незнакомцу.

Мужчина положил осторожно рюкзак на заднее сиденье и потом сел рядом с ней. От него несло запахом костра, пота, грязной одежды. «Да, машину пора помыть, а то только такие грязные мужики и просят подвезти», – подумала она.

– Мне до города, – заговорил молодой человек, – сколько возьмете?

– Жизнь, – мрачно выпалила Анфиса.

– Не смешно. Почему так дорого? Тогда я пешком дойду.

– У меня шутка такая. Довезу. Вы бедный, буду Вашим спонсором на одну поездку.

– Я не бедный.

– Кто бы говорил.

– Что с Вами? Вы вся в крови!

– Шла. Споткнулась. Упала. Кровь.

– Верю. Я заплачу. Вот, возьмите, – сказал мужчина и показал свою ладонь. На ладони сверкнул маленький кусок золота.

– Откуда он у Вас?

– Этот карьер был некогда прибыльным, гравий даже привезли, чтобы строить здесь, но потом карьер забросили.

– Золото – и забросили? Здесь столица рядом, а тут такой карьер с золотом, и рядом ни одного человека! Как так?

– Я передачу по телевизору смотрел про этот карьер. Сам не поверил, что рядом с городом золото добывают в этой глине. Ведь Вы чуть в карьер не съехали! Здесь скользкая глина, а гравий сверху привозной. Весна. Только снег сошел, вот Вас и понесло.

– Почему не стали меня спасать?

– Я видел, что Вы выползете, а я здесь уже накатался по глине, да и с гравием хорошо знаком.

– Золота много добыли?

– Нет. Золота здесь на самом деле практически нет.

– А то, что Вы мне дали?

– Считайте, что это самородок.

– Вам не жалко?

– Девушка, Вы меня спасете, если до дома довезете! Поверьте – это дорогого стоит.

В таком виде ехать по городу опасно.

– Зачем сюда поехали?

– Романтики захотелось, но больше не хочу.

– У Вас есть жена?

– Бог миловал.

– А меня мой друг бросил официально, можно сказать, по Паутине.

– И Вы из-за этого чуть сегодня не погибли?

– Да.

– Поехали ко мне! Я не злой! Я добрый! А золото я купил у местного золотодобытчика.

Пропал я здесь костром и сам знаю, что пахну не лучшим образом.

– Тогда я зайду к Вам. Мне любопытно, а как Вы живете?

– У меня квартира в старом двухэтажном доме в столичном переулке. Дом принадлежал одной пожилой женщине, я ее видел сам, когда был маленьким. У нее была тогда одна комната. Все печи в доме выложены кафелем, дом давно предназначен под снос. Нас уже четверть века снести обещают, а мы все в этом доме живем. Дом деревянный, да Вы сами его увидите, – и назвал адрес.

– Я знаю этот переулок, действительно старый переулок, исторический, можно сказать.

– Лучше бы он не был историческим, тогда бы у меня была новая квартира с удобствами, а так мне надо идти в баню или в тазике мыться.

– Я подвезу Вас до вашего дома, но к Вам заходить не буду, Вы меня напугали.

Машину она остановила у старого двухэтажного дома. Из булочной, расположенной в этом доме, шел вкусный запах, который перебил запах костра. Мужчина с рюкзаком зашел в подъезд, словно исчез в деревянной пещере, так показалось Анфисе. Она вышла из машины, зашла в булочную, а когда она вышла из магазина, то увидела того же молодого человека, но не с рюкзаком, а со спортивной сумкой, из которой выглядывал березовый веник. Он улыбался.

– В баню подвезете?

– Садитесь.

Она отвезла мужчину в баню, а сама поехала домой. Дома она залечила ранки, легла в ванну, отмылась от чужих запахов. Мокрые волосы закрутила в полотенце. Звонок прозвенел неожиданно громко.

– Анфиса, я уже чистый! Заберите меня из бани.

– И я чистая, но с мокрыми волосами. Высушу – приеду за Вами. Где Вы взяли мой номер телефона? Как Вы узнали мое имя?

– У Вас в машине лежала стопка Ваших визиток.

– Уберу. А Вы кто?

– Человек.

Анфиса подъехала к бане. На крыльце бани стоял неизвестный мужчина, но она заметила знакомую сумку в его руке. Теперь он был дважды известный. Стройный мужчина с идеальной стрижкой, с чистым лицом, в джинсах и ковбойке был необыкновенно привлекателен...

По дороге шел человек в потертых джинсах и красной ковбойке с полиэтиленовым пакетом в руке. Его сильная рука была оттянута тяжестью. «Какая тяжесть может лежать в пакете?» – подумала девушка, идущая следом за ним. Рука мужчины опустилась еще ниже и резко поднялась вверх. На дорогу упал сверток, в котором нечто блеснуло. Мужчина оста-

новился. Остановилась и девушка, слегка задев мужчину и с трудом узнавая в нем некоего Степана Степановича, своего бывшего сослуживца.

– Проходи, Анфиса, – узнал ее Степан Степанович. – Ничего для тебя интересного нет.

– Степан Степанович, Вы золотые гири несете? – спросила с насмешкой Анфиса.

– Не твое дело! Иди своей дорогой.

Анфиса посмотрела на мужчину. Ей стало интересно, что такое он несет?

– У меня есть прочная сумка. Я могу ее дать Вам, чтобы Вы донесли свою гирю, – сказала Анфиса наставительным тоном.

– Не нужна мне твоя сумка! – истерически крикнул Степан Степанович.

– Зачем кричать? Дарю сумку! – воскликнула настойчивая девушка, протянув пустую сумку, сшитую из ткани.

Степан Степанович машинально взял сумку. Он поднял сверток с земли и небрежно сунул этот сверток в сумку, предложенную Анфисой. Рука его оттянулась под тяжестью предмета. Сумка стала трещать по швам.

– Эй, Анфиса! Забери свой подарок! Он рвется!

Анфиса оглянулась, подошла и забрала свою порванную сумку. Степан Степанович двумя руками держал сверток перед собой.

– Иди своей дорогой! Не смотри на меня! – крикнул он ей.

– Чего Вы так злитесь? – спросила она.

– Ладно, скажу. От тебя не избавиться иначе! Сегодня я обошел старый дом отца, который скоро будут сносить, и нашел самодельный слиток золота! Ты не поверишь, но это слиток моего отца, поэтому он мой!

– Здорово, Степан Степанович, Вы не украли, а нашли слиток золота в своем родовом доме. Радуйтесь, а я пошла.

– Нет, Анфиса, не уходи! Мне одному жутко с этим куском золота. Я побоялся такси вызвать, ведь любой таксист, как психолог, быстро узнает, что я золотой слиток везу. Ты вот все узнала, и он бы мог узнать.

– Понятно. Идемте ко мне. Мой дом рядом. Я недавно переехала в этот район.

– Идем к тебе. До моего дома еще далеко, – схитрил мужчина. – Анфиса, я отдохну у тебя немного, с тобой поговорю, а ты мне машину вызови по телефону. Я попытаюсь с таксистом не разговаривать.

– Я видела, что наша соседка ездит на машине. Пусть она Вас отвезет!

Разговаривая, они подошли к дому Анфисы, поднялись на ее лестничную площадку. Они немного посидели на кухне, чай попили. Анфиса не выдержала тайны и попросила показать ей слиток. Она еще никогда не видела самодельные слитки золота. Слиток ее удивил. Может, это и был слиток золота, но больше похожий на небольшой брусок, а по контуру его окружал янтарь. Янтари так вжились в золото, что трудно их было отделить. Очень слиток напоминал печенье с изюмом.

– Ничего себе сокровище! Степан Степанович, а почему Вы решили, что это сокровище – слиток Вашего отца или деда? Это надо же было в слиток впечатать янтари! Да как красиво получилось! Очень похож слиток на коврижку, которую смазали яйцом, а внутрь изюму не пожалели. Нет, этот слиток старше Вашего деда! Где Вы его нашли?

– Я же сказал, что старый дом отца пошел под снос. И отца давно нет, и дом часто пустовал. А тут вдруг объявили, что дом сносят. Я и пошел в свой дом, где родился. Я, когда был маленький, облазил весь пол. Еще в детстве я играл в «секреты» с соседскими девочками. Они закапывали в землю осколки стекла или посуды, а потом их разыскивали, нежно сбрасывая землю с «секрета». Я разложил газеты на полу, лег на них и стал осматривать нижнюю часть комнаты с высоты своего детства. Под корочкой головного мозга у меня осталась картинка из детского «секрета». Я тогда колупал стенку, покрытую штукатуркой, и в одном месте

стены обнаружил золотистый предмет. Мне нравилось его трогать пальчиками. Вспомнил я! Это было под кроватью моих родителей, сверху над головой у меня тогда была железная сетка кровати. Я покрутился по полу, нашел место, где стояла кровать. Потом я взял старую кочергу, лежавшую у печки, и стал отбивать стенку. Недолго и искал. Под кочергой блеснула золотистая вспышка. Тогда я стал рукой обдирать штукатурку, лишь иногда применяя кочергу. Из стены выпал золотой слиток с янтарем, завернутый в лоскут из мешковины.

– Степан Степанович, похоже, что Вы правду мне говорите. Значит, это действительно Ваше сокровище, и оно мне нравится.

Анфиса повертела брусок в руках и сказала:

– Это не слиток золота, а скорее железо, покрытое золотом. Вероятно, брусок снят с какого-то предмета. Возможно, что это ножка шкафа или гиря от часов.

– Еще скажи, что это стрелка из часов.

– А почему нет?!

– Не дала мне порадоваться! Я думал, что богатым стану. Нет, умная баба лишила мужика слитка золота!

– Не обижайтесь. Пакет Ваш порвался. Это чугунное литье, покрытое золотом!

– Совсем меня бедным сделала, – обиделся большой мужчина.

Анфиса позвонила в дверь соседней квартиры. Из квартиры вышел накачанный молодой человек:

– Девушка, Вы к кому? Неужели ко мне? Анфиса – это Вы?

– Я, Платон, Ваша новая соседка. Необходимо мужчину отвезти домой. Я видела, что в этой квартире живет женщина, у которой есть золотистая машина.

– Это машина моей мамы. Но ее сейчас дома нет. Она не работает таксистом.

– Извините, я такси вызову.

– Правильно, вызовите такси, если мужчина сам не может этого сделать, – иронично ответил молодой человек.

Девушка резко повернулась к своей двери, но как-то всем своим существом почувствовала, что молодой человек смотрит ей в спину.

Она резко повернулась к нему:

– До свидания, Платон!

– Именно до следующего свидания, Анфиса, – нежно проговорил сосед.

Анфиса прошла в свою квартиру и спросила грустного мужчину:

– Степан Степанович, доедете на такси? Хотите, я Вас провожу?

– Нет, провожать меня не надо. Золота у меня больше нет. Оставь себе эту позолоченную чугунную болванку с янтарем! – крикнул Степан Степанович, но чугунную болванку взял с собой как память о детстве.

С соседом по лестничной площадке Анфиса несколько раз поднималась в лифте. Они познакомились. Однажды он зашел к ней в квартиру и сделал ей официальное предложение.

– Платон, мы мало знакомы, – ответила Анфиса. – Не рано ли нам жениться?

– Я не был женат, детей у меня не было, могу жениться, – невозмутимо ответил он.

– Чудный предлог для предложения руки и сердца, – заметила она без эмоций.

– Подожди, Анфиса! Я сейчас свою маму позову! – крикнул Платон и исчез за дверью.

Вскоре Платон появился в дверях с симпатичной женщиной, представив ее Инессой Ивановой.

Платон внимательно посмотрел на Анфису и сказал более настойчиво:

– Анфиса, давай поженимся!

– Сегодня? – засмеялась Анфиса.

– Немедленно, пока не явился кто-нибудь другой!

– Анфиса, твоя квартира просто великолепна, – усмехнулась Инесса Ивановна, осматривая комнату.

– Возможно, что у меня еще не так красиво, как хотелось бы. Подождите, к Вам кто-то пришел.

В дверь Анфисы постучали, а не позвонили.

Платон открыл дверь:

– Родион, как ты догадался, что я тебя жду в этой квартире?

– Услышал твой голос сквозь приоткрытую дверь. Я уже слышал, что у тебя появилась новая соседка. Нетрудно было догадаться, что ты ее не пропустил.

– Друг, ты пришел вовремя! Я сватаю соседку за себя, но ты ее у меня не отбивай!

– Я что, такой плохой, чтобы у друга невесту уводить? Я знаю, как ты с ножами управляешься.

– Прав, Анфиса еще не жена, но очень похожа на мою невесту.

– Так ее Анфиса зовут? Приятно будет продлить знакомство.

Анфиса и Платон действительно вскоре скромно расписались. Он всегда и во всем торопился, словно боялся опоздать. Вскоре он стал приставать к молодой жене с вопросом:

– Анфиса, когда у нас будет ребенок?

Она смотрела на него удивленно, не понимая, когда бы они успели сделать ребенка? Так получилось, что вскоре они поссорились, но быстро помирились.

Двадцать пятого июня стояла небывалая жара по местному прохладному климату. Солнце палило с самого утра, Платон и Анфиса договорились идти на пляж. Надели купальники, взяли покрывало, которое им на свадьбу подарили. Анфиса – человек скромный, налила в маленькую полиэтиленовую бутылку кипяченую воду. Он пошел из дома раньше, чтобы купить себе воду. Она долго стояла на автобусной остановке, наконец, он вышел из павильона, в руках он держал какую-то воду и два очень крутых мороженных. Это он купил для себя... Ладно, проехали, она не обиделась, но призадумалась.

Автобус останавливается рядом с парком, они вышли. Он съел первое мороженое. Навстречу им шла в бальном платье принцесса необыкновенной красоты, за ней шел парень в светлом костюме. Анфиса все же догадалась, что сегодня утро после выпускного вечера. Прошли еще метров пять.

Деревья в парке за последние годы стали большими, на небольшой площадке с великолепной плиткой в качестве асфальта стоял бюст маршалу. В центре площадки располагалась красивая клумба, стояли четыре скамейки. На скамейках в разных позах сидели вчерашние выпускники в нарядной, но слегка примятой одежде. Они все почти тянули жидкость из различных бутылок. А муж Анфисы ел мороженое. Прошли они утренний вертеп выпускников.

Каскад фонтана был покрыт остатками вчерашней роскоши, видимо, все пути выпускников заканчивались в этом милом парке. Кто-то из девушек ходил по воде в фонтане, подняв юбку. Кто-то из юношей сидел на парапете и пил или курил. Среди молодых людей виднелись и те, кто стал снимать верх одежды и загорать под утренним солнцем.

Ближе к реке выпускники шли, как говорят о чертеже, половина вида, половина разреза. Они шли полуобнаженные, можно не уточнять, но можно отметить дивные платья выпускниц и отличные костюмы выпускников, в целом они были несколько переутомленные. На пляже картина была просто уникальная.

Жара нарастала, алкоголь звал в речку. Выпускники в платьях, не снимая своих королевских нарядов, оказывались в воде. Оставшиеся выпускники сидели на берегу большими, растрепанными группами.

Анфиса с Платоном расстелили свое свадебное покрывало. Легли загорать. Она взяла с собой бутылку из-под голубой жидкости, которой мыла окна, в нее она заливала воду и опрыс-

кивала цветы, а теперь она в нее залила воду и прыскала на себя, чтобы не было мучительно жарко. Итак, лежит Анфиса на пляже, опрыскивает себя водой, наблюдая за поведением выпускников.

Платон тоже наблюдал за выпускницами, девочки слегка под градусом, молодые, красивые, и все вокруг него табунами ходят, правда, со своими молодыми людьми, но одно другому не мешает. Надо сказать, что на пляже Платон лежал раздетый далеко не первый раз в жизни. Первый раз Анфиса его затащила на пляж, но получилось, что последний. Съел он второе мороженое, выпил свою воду, она выпила свою воду. Вот оно, семейное равноправие! Ни он, ни она в воду реки, кишащую от людей, не пошли, но часа через три ушли с пляжа.

Выпускники к этому времени стала покидать пляж, парк, фонтан.

Анфиса никак ничего не могла понять, но именно в этот день он стал на нее зло сердиться. Вероятно, выпускницы выбили его из седла семейной жизни. Жена стала ему противна. Он прошел перед ней по комнате и сказал:

– Куплю новую машину, тебя на ней не повезу!

– Почему? – она искренне удивилась.

– Потому, что ты ничего не делаешь для нее!

У Анфисы глаза от удивления круглыми стали:

– Почему я ничего не делаю?

– Ты не копишь деньги на новую машину!

Анфиса удивилась еще больше, потому что она получает денег больше, чем он, и она виновата? Ладно, глядит жена, а муж вещи собирает!

Платон ходил по квартире и собирал свои вещи! Бритву забыл. На прощание сказал, что он сюда больше не вернется! Вот тебе и день после чужого выпускного! Он ушел к матери, Инессе Ивановне. Анфиса все думала, что он шутит. Звонит ему через сутки. Долго никто к телефону не подходил, определитель номера у них всегда работает. Потом трубку взяла его мать и сказала, что он в ванне. Он не перезвонил, но через сутки по Интернету предложил ей развод!

А такая любовь была в ночь на чужой выпускной! А может, он ей диссертацию по любви сдавал? Отчет по любви, зачет хотел у Анфисы получить, что у него с теорией и практикой любви все на высшем уровне? Он на самом деле любил по высшему пилотажу, она даже спросила у него, где научился, а он ответил, что телевизор ночью смотрит.

Шутки шутками, но любовь была что надо! И вообще за короткое время замужества он из робкого паренька превратился в уверенного в себе мужчину. Был скромный, неумелый, стал асом-любовником! И все кончилось раз и навсегда, после того дня на пляже они и десяти слов не сказали, развелись и то молча. Не поймет Анфиса, в чем дело? Или и у него получился выпускной из семейной жизни, сдал последний экзамен любви и получил свободу. Но ей от этого нелегче. Или все равно? Нет.

Главный упрек бывшего мужа Платона: она не купила ему новую машину. Надо было исправляться. В свое время она учила правила дорожного движения так, словно от них жизнь зависит, хорошо учила. На двадцать вопросов из двадцати ответила.

Но по практике вождения дела обстояли хуже, ехать с инструктором было относительно легко, а самой помнить о переключении скоростей мучительно. Следовательно, надо купить дорогую машину с автопилотом. А денег у нее на такую машину не хватало. Права она все же получила, и без доплаты. И захотелось ей маленькую аленькую машину, чтобы самой везде ездить и не стоять пнем на автобусной остановке, когда ее старая машина в ремонте стоит.

А где деньги взять? Вспомнила она про отца, про его огромную по деревенским меркам пенсию, поехала в деревню. Отец пасеку держит и пенсию придерживает. Поговорила Анфиса с отцом, поскулила о жизни, дал он ей денег на пару колес, все лучше, чем ничего.

Стала она посещать сайты, где автомобилями торгуют, к ценам присматривалась, к машинам. До мечты все еще было далеко, нужно было вливание чужих денег. Сказала Анфиса о своей проблеме Самсону, он весьма доброжелательно прореагировал на ее мечту об алой машине. Дал денег, которых ей так не хватало. Она купила машину алую, новую, чисто женскую, на автопилоте.

– Привет!

– Привет!

– Я соскучился.

– Быть не может.

– Это правда.

– Платон, ты променял меня на пластиковые окна! Кто из женщин дает тебе больше денег, с той ты и живешь, даже если это собственная мать! Она поставила в квартире окна, и ты послал меня к черту! – воскликнула в сердцах Анфиса – Что молчишь? Купил пластиковую куклу в магазине? Не будешь ведь ты жить со своей мамой за окна?

Платон легко менял взгляды на все устои жизни и долго на Анфису не сердился. Однажды он принес ей в подарок шесть стульев. Она искренне удивилась подарку: в маленькой квартире один стул поставить было некуда, а он принес целых шесть стульев!

Да, у нее маленькая квартира, и она так хотела сделать ее красивой! А вместо этого все свободное время у нее уходило на приготовление пищи для Платона, когда он жил с ней. А еще он принес каталог антикварной мебели. Она долго его рассматривала и смутно чувствовала в душе непонятную тревогу. Ей очень понравился журнал, а особенно мебель из этого журнала. Ей захотелось жить среди этой мебели! Да где ее взять? И главное, на какие деньги?

Минутная музейная слабость к золотым вензелям неизбежно переходила в жизненную потребность. Анфиса всегда жила среди прямоугольных домов или прямоугольной мебели, простой до примитивности. Получалось, что до двадцатого века создавали мебель, радующую глаза хотя бы небольшой части общества, а потом все исчезло и перешло в музеи. Ей так хотелось чего-нибудь золотого и с вензелями! Из-за этой потребности у нее всегда было смутное желание побывать в прошлом веке, и она ходила по музеям. Где еще найти остатки роскошной жизни?

Анфиса купила золотистую краску, поставила ее перед глазами, думая, что так она быстрее придумает, как ее использовать. А в душе у нее было пусто до отчаянья и головной боли: у нового благородно изогнутого стула две ножки постоянно выступали вперед. И куда они бежали? А сделан он был так, что в его сиденье можно было сокровища прятать.

Где их взять? Сокровища. И в голове нет ничего, кроме этой самой головной боли, а когда она сидит на этом стуле, то мысли лучше функционируют. На старом стуле мысли старые или в голове пусто и желания спят. Нет желаний.

Анфиса коснулась обивки стула рукой. У нее появилась мысль продать этот стул и его братьев за большие деньги. Ее вчера попутным ветром занесло в антикварный магазин мебели, и она увидела цены на очень старую мебель. Цены ей понравились, а дома у нее без толку стояли шесть стульев с изогнутым профилем, обтянутых шелком.

Она взяла в руки банку с золотой краской, взболтала жидкое золото, задумалась на секунду и полиэтиленовой пленкой обтянула шелк, потом из пульверизатора покрыла дерево стульев золотой краской. Она залюбовалась своей работой и решительно набрала номер телефона:

– Платон, будь человеком, в твоей фирме есть камеры тепла и холода для испытаний? В камеру стул влезет?

– Анфиса, ты чего придумала на мою голову?

– Я что, деньги у тебя прошу? Нет. Я прошу взять новый стул, погреть его и заморозить раз десять – и все.

– Понятно. Понимаешь, дорогая моя, так поступают с иконами, но не со стульями!

– Родной мой, я не умею рисовать иконы! Я стул покрасила золотой краской, только олифы у меня нет, чтобы его покрыть.

– Ладно, возьму стул, погрею, заморожу. Но претензии по его внешнему виду не приму.

– Спасибо, а шесть стульев возьмешь?

– Радость моя, у нас солидная фирма! Один стул я смогу оправдать, сославшись на то, что его склеиваю, но шесть стульев...

– Возьми один стул, склей его. У стула на самом деле передние ножки от задних ног постоянно вперед уходят. Я уже их склеивала.

– Анфиса, слышу нормальную речь! Склею стул и проведу испытания клеевого шва в дереве.

– Платон, спасибо! Ты настоящий мужчина!

Глава 4

Платон принес стул на испытательный стенд. Работница стенда согласилась помочь испытать клеевой шов в стуле. Стул ей очень понравился, и она вполне понимала желание Платона склеить его качественно. Через пару суток Платон вернул стул Анфисе. Она ойкнула и радостно покрутила стул на одной ножке.

– Анфиса, чему радуешься? На стуле сидеть можно, но обивка несколько сжалась, само дерево слегка потрескалось, верхний слой покрытия вообще стал в мелких трещинах, надо теперь его заново красить.

– Платон, на этом стуле у меня в голове рождаются славные мысли, спасибо!

– Тебе видней. Я сделал то, что ты просила. Сиди на стуле и мысли. У меня сегодня много работы, стул я тебе привез. Все, я уехал. Пока.

– Счастливо, родной! – Анфиса расплылась в радостной улыбке, закрывая дверь за Платоном. Она подошла к стулу, взяла его и понесла к соседке.

Соседка, пожилая, приятная женщина, встретила ее спокойно. Анфиса высказала свою просьбу:

– Инесса Ивановна, помогите, пожалуйста! Мне от бабушки достался один старый стул. Я его выкинуть хотела, но мне так понравился его изгиб, что рука не поднялась.

– Конечно, Анфиса, я помогу тебе. Но чем? Почистить его шкуркой?

– Что Вы, ни в коем случае! Вы его сдайте в свой антикварный магазин, только не трогайте его. Я его сама доведу до магазина.

– Анфиса, я никогда ничего подобного не продавала. Получится ли у меня продать ваше наследство?

– Инесса Ивановна, бабуля мне рассказывала, что этот стул ей достался от ее бабушки, он у нее стоял в кладовке.

– Видно, что стул старый, забыли его вовремя выбросить, – усмехнулась Инесса Ивановна, но ее глаза хитро блеснули.

– Ладно, не надо его продавать, я просто хотела Вам показать бабушкино наследство.

– Анфиса, я думаю, что ты пошутила насчет антикварного магазина.

– Простите за беспокойство, – сказала Анфиса и спиной, неся стул, вышла из квартиры матери Платона.

Дома она перевернула стул, оторвала пожелтевшую этикетку, еще раз осмотрела стул, поставила его в угол. Затем она вынесла из комнаты пять стульев и без стульев поехала в магазин на новом автомобиле.

– Вас что-то у нас заинтересовало? – спросил вездесущий продавец Родион, между прочим, друг ее мужа Платона.

– Вы мне вчера понравились, а мебель сегодня, – ответила Анфиса, кокетливо улыбаясь продавцу.

– Меня среди антиквариата и мебели обычно не замечают, – хмуро ответил молодой человек.

– Что Вы сегодня вечером делаете? – спросила она молодого мужчину.

– К Вам еду. Я правильно понял? – усмехаясь, спросил продавец. – Рабочий день через полчаса закончится. Только мой визит Вашему мужу Платону может не понравиться.

– Можно я похожу пока по магазину, а потом поеду ко мне?

– Ходите, смотрите, это не запрещено, – предложил вежливо Родион.

Анфиса два раза обошла торговые залы, потом вышла из магазина и села в автомобиль. Она с тоской подумала, что делает глупость. Ей захотелось уехать от магазина куда подальше, но на крыльце показался продавец Родион.

- Идите сюда, – позвала Анфиса, открывая дверцу машины.
- Женщины меня еще не возили на машине, – сказал он, глядя на машину.
- Времена меняются, я давно за рулем.
- Что мы у Вас делать будем? Я понял, Вы хотите оценить свой антиквариат!
- Мы уже знакомые, а антиквариата у меня никогда не было. Мебель у меня современная.
- Хороший ответ, а я подумал, что Вы заманиваете меня в дом как оценщика старой мебели.

В подъезде Анфиса столкнулась с Инессой Ивановной. Пожилая дама улыбнулась и вопросительно посмотрела в глаза Родиона, но промолчала.

Родион прошел в квартиру и воскликнул:

– Я прав, Вы меня привезли оценивать этот стул, – он подошел к стулу. – А что, неплохой стульчик! Прямо скажем, неплохой! – засмеялся радостно Родион, глаза его так хитро сверкнули, что Анфиса удивилась.

– Вы проницательны, – сказала Анфиса с некоторым внутренним раздражением, ей показалось, что афера себя не оправдала.

– Продать Ваш антиквариат? – спросил Родион, многозначительно покачивая головой.

– Нет, он мне дорог, как память.

– Все так говорят и продают, а покупатели эту память покупают. Сказать Вам цену на этот стул? – и он назвал цену.

– Так мало?

– Вот видите, из-за стула Вы меня привезли! А мало стул стоит потому, что без легенды и тянет на позапрошлый век.

– Правда, что ли?

– А Вы что, не знали что стул восемнадцатого – девятнадцатого века?

– Нет, на самом деле я его принесла из бабушкиной кладовки. Мне его профиль понравился, изогнутость ног и спинки. Я с детства этот стул помню. Я на нем сидела, когда к бабушке приходила пить чай с вишневым вареньем. Дома у нас варенья никогда не было, – увлеченно врала Анфиса и сама верила своим словам.

– С какой грустью Вы говорите и так красиво. Вспомнили бы лучше историю стула до варенья с чаем или вспомните, что бабушка говорила о своей бабушке.

– Не помню, мне это было неинтересно.

– Тогда дороже не продать. Я сейчас уйду, Вы стул сами привезете, а мы его продадим. Вот и вся любовь – на один стул. Я без обиды говорю, Вы не первая клиентка в моей работе, которая меня увозит на оценку антиквариата под предлогом интереса.

Родион ушел. Анфиса села на диван, еще раз посмотрела на стул и рассмеялась:

– Это ж надо! Восемнадцатый век!

Она позвонила Платону:

– Платон, спасибо за стулья восемнадцатого века!

– Анфиса, ты откуда узнала, что они восемнадцатого века?

– Твой друг Родион сказал.

– Ты бедствуешь, моя радость? Я купил стулья, а ты их продаешь?

– Так получилось. Стулья на самом деле из гарнитура восемнадцатого века?

– А ты вспомни, где я работаю! Я теперь работаю на частной мебельной фабрике. Мы изготавливаем мебель на заказ малыми партиями. Однажды нас попросили сделать гарнитур из восемнадцати стульев, похожих на стулья восемнадцатого века. Я ездил по музеям. В музее

великого писателя нашел этот стул. Мы по этому стулу выполнили заказ, а заказчик оплатил двенадцать стульев. Шесть стульев я купил по цене с большой скидкой и тебе подарил.

– Вот теперь спасибо. А ты знаешь, что я могу один стул продать как антиквариат восемнадцатого века? Ты лучше скажи, где находится музей, в котором ты стул срисовал?

– Я соскучился. Приеду и все расскажу.

– Приезжай хоть сейчас, – сказала Анфиса и положила трубку телефона.

Анфиса спрятала стул, прошедший испытания на стенде. Пять стульев она распределила по квартире так, чтобы их число не сразу определялось. Посмотрела на себя в зеркало и решила, что красивее быть необязательно, и побрела на кухню готовить ужин для любимого мужчины. Дети у них пока не появились. Платон хотел детей, бредил продолжением своего рода. Анфиса упреки на эту тему не выносила. Она привыкла к его дарам. Они ее устраивали.

Платон был гибким мужчиной, легким на подъем. Вес на его теле так равномерно распределялся, что он казался просто прекрасным, что Анфисе весьма импонировало. Он знал и чувствовал дерево в любом его проявлении, но что касалось техники – тут у него был полный провал. Машину водить он умел, но без особой легкости, хотя имел права на вождение. Вообще он весь был отголоском прошлых веков. Последнее время он вновь воспылал любовью к Анфисе. Она пыталась увильнуть от его назойливой любви, но чем больше она его отсылала, тем настойчивее он становился.

Если Платон любил Анфису, то кто из них сильнее любил? Непонятно. Она могла бы с ним и на футбол пойти, но он за футболистов не болел. А у Анфисы даже шарфик фирменный был. Не болельщик он футбольный, а наглый молодой муж, поэтому Платон Анфисе и нравился.

Вечером они были на ночной дискотеке. Музыка гремела, цветомузыка вращалась и посылала импульсы в толпу танцующих людей. Анфиса танцевала так, что от нее постепенно все отпрыгивали в сторону. Она же почти настоящая танцовщица, и на нее интересно смотреть. Платон остановился и посмотрел на ее танец, за ним остановились все, и Анфиса вытанцовывала в одиночку.

На нее нашло вдохновение танца! Приятно! Анфиса находилась в центре внимания публики, в центре цветовой настройки танцевального поля, в центре музыки. Подошел к ней Платон после танца, и они пошли на улицу. Погода прохладная. Нуль или ноль градусов. И они два нуля.

Но сейчас не об этом.

Нечто подобное вспоминала Анфиса, пока ставила рыбу, залитую майонезом, в духовку. Платон любил картофельное пюре со сливочным маслом и молоком, этим она и занялась. Накануне он привез сетку картошки, сетку свеклы и все остальные овощи. Она открыла дверь своему снабженцу и вновь пошла на кухню. Он сам знал, что ему делать с овощами. В нем не было эксцентричности, но была основательность, в нем не было любовной суеты, но любил он душевно.

Анфису устраивала домашняя любовь без особых требований.

– Анфиса, я смотрю, все стулья на месте.

– Платон, а куда им деваться, все они здесь, – сказала она, снимая передник, оставаясь в платье, облегающем фигуру.

– Как ты хороша в платье! А то ходишь в брюках, словно ты не женщина!

– Я для тебя платье надела.

– А хоть бы и так, все одно приятно, глаз мой мужской радуется. Хочешь знать, где я стул срисовал? Мы можем туда вдвоем съездить, если довезешь на машине. Это старая усадьба, музей писателя.

– Ой, Платон, вот почему мне на этом стуле хорошо думается!

– Угодил, стало быть, и то славно.

Через некоторое время Платон бросил Анфису по неизвестной для нее причине и вернулся к матери, видимо, у нее квартира была больше.

– Привет! – воскликнул Платон, встретив на лестничной площадке Анфису. – Я соскучился.

– Быть не может, – без эмоций возразила Анфиса.

– Это правда.

«Жесть!» – подумала Анфиса и пошла дальше, у нее не было денег на покупку Платона. Она представила, как он в магазине купил куклу. И пропела мысленно: «Секс-топ, секс-топ, секс-топ, секс-топ».

Платон после очередного своего ухода от Анфисы действительно перешел жить к матери. Поскольку квартиры располагались на одной лестничной площадке, то появление Степана Степановича в квартире Анфисы соседи заметили. Но Инесса Ивановна ради сохранения своей внешности мускулом на своем лице не дрогнула. Да и Степан Степанович при встрече спокойно пожал огромную руку Платона.

– Люди! – хотелось крикнуть Инессе Ивановне, когда она одна сидела в большой и пустой квартире. Когда женщина дома одна, ей прислуга не нужна, она влачит ленивое состояние. Она занималась тем, сем, потом ей это здорово надоело. Одним словом – никого дома, надо же было ей придумать себе такой ленивый выходной день!

Инесса Ивановна, директор антикварного магазина, отдыхала от людей и суеты. Она достала обруч и стала крутить его вокруг своей талии. У нее замечательные ногти. Великолепная грива толстых волос украшает ее голову, которую она мыла два раза в неделю, и волосы прекрасно лежали в причёске и жирными не становились. Бог ее не обидел. Иногда она считала себя излишне худощавой. И вот такая женщина с огромными серыми глазами и миловидным лицом сидела дома по собственной инициативе и страдала от безделья, ею же созданного!

Поэтому Инессу Ивановну вполне устраивало возвращение сына Платона из соседней квартиры, с ним она становилась более обеспеченной. Его деньги шли в общий карман семьи из двух человек, деньги жене он не давал, если жил дома.

Анфиса почувствовала нехватку денег с тех пор, как от нее ушел Платон, но просить деньги у него она не могла; вот и пошла на аферу со стулом, а стул и впрямь оказался родом из восемнадцатого века, можно сказать, почтенной копией стула знаменитого писателя!

«Вот тебе и легенда, – подумала Анфиса. – И придумывать ничего не надо, это на самом деле копия стула великого писателя восемнадцатого века! Надо только каким-то коленом к этому писателю примазаться, как масло на хлеб». Она медленно обошла домашнюю библиотеку, обнаружила одну книгу великого писателя, прочитала биографию.

Все складывалось лучшим образом: они с писателем жили почти рядом по меркам огромной страны. Так что там бабка о своей бабке могла сказать? Это надо было придумать. Анфиса окунулась в книгу писателя, бывшего владельца настоящего стула.

Заказчиком стульев восемнадцатого века был тот самый продавец из антикварного магазина. Звали его Родион. В магазине один покупатель забыл буклет с фотографиями усадьбы писателя. Родиону один стульчик на буклете очень приглянулся. Он его и заказал в фирме Степана Степановича, а Платон съездил в усадьбу и снял размеры с оригинала. Еще Родион был наслышан, что есть испытательные стенды, на которых можно провести процесс старения изделий, в том числе и мебели. Он хотел купить себе машину с большим багажным отсеком для перевозки мебели.

Директором антикварного салона мебели в то время работала Инесса Ивановна, именно она обмолвилась Родиону о стендах, которые были в фирме Платона. Родион покался, что стульчики он заказал, она его пожурила и похвалила, так они сообща купили двенадцать стульев и положили их на склад. Шесть стульев прошли несколько иной путь в доме Анфисы.

Инесса Ивановна сразу сообразила, что Анфиса пошла правильным путем по старению стульев, дальше они сами с Родионом справились с двенадцатью стульями. Перед Инессой Ивановной лежал график ее личного старения, его знакомый экстрасенс составил: что было, что будет в плане ожидаемых болезней. А что, очень похоже. Инесса Ивановна от кривой своей старости особо не отклонялась. Получается, что жизнь похожа на гладиолус, бутоны раскрываются снизу и постепенно подбираются к верхушке цветка.

Гладиолусы бывают маленькие, с небольшим количеством цветков, а бывают породистые, ну очень большие. Каждый цветок что-то да обозначает, что бы он ни обозначал, а смысл один: больше цветков – длиннее жизнь. Инесса Ивановна претендовала на большую жизнь, то есть на большой гладиолус.

Вредных привычек у нее не было, а это сразу давало значительный довесок к возрасту. Инесса Ивановна, женщина от природы властная, сыну подчинялась с полуслова. Она переживала первый кризис старости, костная система у нее стала выходить из подчинения. Она перечитала все статьи по поводу болезней ног, больше всего ей понравилась одна статья о том, как сохранить кальций в организме, и она бросила пить кофе, на этом она решила, что все рекомендации статьи выполнила и кальций будет у нее в норме. Она купила упаковку кальция из 20 таблеток, выпила четвертую часть таблеток, запила водой и отключилась.

Выспавшись, она принялась за уборку квартиры. Иногда ее доставали боли, но она упорно двигалась, ведь недаром женщины пожилого возраста идут в уборщицы или помогают убирать квартиры своим продвинутым детям! Как ни странно, но именно это и есть народный секрет женской живучести.

На счастье или несчастье, Степан Степанович явился к Анфисе выговориться. Он посмотрел на Анфису, читающую книгу и совсем забывшую про него, собрал со стола посуду после ужина и стал ее мыть. «Вот и вся любовь», – думал он, вода губкой в пене по тарелкам и смывая с их боков пену водой.

Платон шел с работы, задумался, да и позвонил в дверь, можно сказать, по привычке. Дверь открыл Степан Степанович в переднике, пена на руках указывала на его домашний труд в квартире его бывшей жены, что Платону было хорошо знакомо.

– Привет, – сказал Платон. – Анфиса дома?

– Где ей еще быть? Книгу читает, – ответил Степан Степанович, полностью закрывая собой дорогу в квартиру.

– Я по привычке нажал на звонок, домой иду, – сказал Платон и стал открывать соседнюю дверь ключом.

Анфиса проблемами старшего возраста особо не страдала, она лежала и читала книгу писателя восемнадцатого века, у которого еще при его жизни был стул восемнадцатого века. Она всеми клеточками своего серого вещества мозга пыталась найти нечто общее между своими предками и великим писателем прошлого, пока ей это не удавалось.

Внезапно Анфиса почувствовала, что строчки книги уходят в темноту. Она подняла голову от книги, посмотрела на источник света, но вместо торшера у дивана обнаружила огромную фигуру Степана Степановича.

– Заметила, наконец, что я здесь! Анфиса, я к тебе пришел, а не к посуде.

– Простите, Степан Степанович! Я забыла о Вас, зачиталась, ушла в прошлое.

Степан Степанович медленно опустился на колени, сложил свою огромную голову на ее грудь, слегка поводил волосами по платью, как гигантский кот. Молодая женщина не выдер-

жала и погладила большую голову мужчины. Он медленно стал подниматься и с необыкновенной прытью барса перемахнул через нее и оказался лежащим с другой стороны платья.

Анфиса повернулась к Степану Степановичу. Он сжал ее платье со всех сторон своими огромными руками. Она утонула в объятиях мужчины, продолжая держать в одной руке книгу.

– Да выкинь ты эту книгу! – в сердцах воскликнул Степан Степанович.

Анфиса разжала пальцы. Книга выпала из ее руки. Свободной рукой она обняла мужчину.

– Так-то лучше, – проворчал он, невольно освобождая ее колени от домашнего платья.

– Степан Степанович, может, не надо?

– Еще чего! Мы взрослые люди. Муж тебя бросил. А ты лежишь тут передо мной, слегка платьем прикрытая, вся изогнутая по профилю, ножки свои голые демонстрируешь, а потом говоришь: «Не надо, Степан Степанович».

Анфиса поняла, что никто ее возражения не услышит, и откинулась на спину. Она выгнулась, как кошка. Прощальным взглядом встретила с торшером и выключила свет.

– Свет чем тебе помешал? Или я тебе не по нраву пришелся? – спросил Степан Степанович и уверенным движением расстегнул молнию на платье.

Женщина села и стянула с себя платье, ее ноги были в руках мужчины. Она и встать не могла, но подумала, что сама на стул стала похожа с вытянутыми руками, словно они – спинка стула с чехлом из платья. Наконец платье опустилось на пол.

Тут же властные, мощные руки вцепились в скромную верхнюю полоску с двумя выступами и слегка подергали маленькую вещичку. Она еще раз села, изображая стул, сняла и эту одежду. Руки мужчины, довольные до безобразия, взяли в свои руки верхние, чувствительные выступы на ее теле, сжали, потом нежно-нежно стали проводить местный массаж чувствительных участков тела, освобожденных от ткани.

В какой-то момент времени рукам это надоело, и они бесцеремонно полезли к ногам. По этой дороге руки столкнулись с еще одной тоненькой одежкой. Руки нервно дергали несчастную тряпочку. Анфиса выкрутилась из последней одежды, оставив ее в руках мужчины.

Внезапно огромная масса тела взлетела над ней в порыве человеческих чувств. А ей очень захотелось выкрутиться из-под этой массы тела, но она практически подчинилась...

«Еще немного, еще чуть-чуть» – и две массы тел объединились бы в одну, но как будто кто свыше сообщил об этом четырем людям сразу:

– некто позвонил в дверь,

– зазвонил телефон,

– запели на разные голоса два сотовых телефона.

Пара распалась на две части.

Степан Степанович поднял свое огромное тело и рванул к личному сотовому телефону.

Анфиса на три части разорваться не могла. Она стала собирать в кучу свои вещи, потом пошла за халатом, потом рванулась к телефону, а сотовый сам замолчал, оставив номер звонившего человека...

У двери стояла Инесса Ивановна:

– Анфиса, давай свой стул. Я его продам, есть покупатель на старый стул.

– Я раздумала его продавать, Инесса Ивановна, мне на нем хорошо думается.

– А кто там у тебя по телефону говорит? Платон дома сидит. А ты чего такая лохматая, и лицо у тебя красное, возбужденное...

– Я Вам потом объясню, – сказала Анфиса и попыталась свекровь отодвинуть от двери.

– Ты чего, Анфиса, я тебе помешала?

– Нет, я стул не продаю! Тема исчерпана.

– Анфиса, с кем ты там говоришь?! – прокричал Степан Степанович и высунулся в прихожую.

– Анфиса, ты не одна! – вскричала Инесса Ивановна. – А как же мой Платон?!

– Платон деньги отдает вам? Значит, и живет у Вас, а я сама по себе.

– Бабы, что за разборки в такое время?! – зашумел недовольный ситуацией Степан Степанович. – Что за ерунду вы говорите?

Инесса Ивановна слабо, но стала соображать, видимо, на ее гладиолусе очередной цветок распустился:

– Ухожу, ухожу, – сказала женщина и резко прикрыла входную дверь.

Платон сидел с двумя телефонами: сотовым и обычным, глаза у него были грустные-грустные. Ему было очень плохо.

– Платон, – сказала вошедшая в квартиру Инесса Ивановна и замолчала.

– Мама, Анфиса отдала тебе старый стул?

– Ей не до стула, я так поняла ситуацию в ее доме. Она стул не хочет продавать. А ты откуда про стул узнал?

– Анфиса мне стул отдавала клеивать, а потом мы провели серию климатических испытаний с этим стулом по ее просьбе.

– Понятно, а мне сказала, что стул ей от бабушки достался. Платон, ты не мог бы еще двенадцать стульев подвергнуть этим самым испытаниям, которым подвергли первый стул?

– Мать, ты чего? Анфиса просила еще для пяти стульев провести цикл испытаний, а ты уже двенадцать стульев предлагаешь, не много ли тебе?

– А жить всем хочется. Трудно помочь? Хочешь, я выступлю официальным заказчиком этих самых испытаний над стульями? Только надо все сделать так, как было со стулом Анфисы. Стул замечательно смотрится.

– Не понял...

– Ты давно был в антикварном магазине?

– Я туда вообще не хожу.

– Зайди, посмотри, чем торгуем. Где на всех покупателей антиквара найти? Вот, сами и придумываем вар-антиквар.

– Прости, не сразу понял. Ладно, испортим твои стулья по полной программе. У нас все записано. Кто-то у Анфисы есть? Она тебе говорила?

– Нет, я у нее никого не видела и ничего про других мужчин не слышала.

– А мне показалось, что у нее вместо антикварного стула славянский шкаф завелся.

– А шкаф в твою печь не влезет? Мы бы шкафчики сделали...

Анфиса словно очнулась ото сна и внимательно посмотрела на Степана Степановича так, словно холодным душем его облила:

– Степан Степанович, шел бы ты домой, ну не люблю я тебя!

– Чего глупость говоришь? Куда я пойду? Мне и тут нравится.

– Зачем ты ко мне баннным листом прилип? Я думала, что Платон ушел, я одна поживу.

– Это его мать приходила? Красивая женщина!

– Шел бы ты к ней, что ли.

– А возьму и пойду, вдруг не прогонит, – сказал Степан Степанович, надевая рубашку.

– Ты что – всеядный? Тебе все равно, кто и с кем? – спросила Анфиса, застегивая молнию на халате и надевая тапочки на ноги.

– Не знаю. Меня бабы боятся – или боятся, что прокормить не смогут.

– Скорее последнее. Одейся? Счастливо! – сказала Анфиса, не думая о последствиях.

Степан Степанович вышел из квартиры Анфисы, даже не думая на нее обижаться, и решительно позвонил в соседнюю квартиру.

Дверь ему открыл Платон:

– Вы к кому пришли? – спросил он недоумевая.

– Я пришел к Вашей маме. Мне с ней поговорить надо. Я для ее магазина мебель делал.

– Что Вы говорите! Только без меня, – сказал Платон и вышел из открытой двери,

но тут же позвонил в дверь Анфисы.

Анфиса посмотрела в глазок, увидев знакомый силуэт Платона, открыла дверь.

– Привет, Платон!

– Да мы сегодня уже виделись, просто день выдался длинный.

– Ты прав, проходи, садись.

– Можно, но не на стулья восемнадцатого века.

– Чай с лимоном пить будешь? У меня вафельный торт есть.

– Давай чай, если больше нечего дать.

– Я спать хочу, день трудный был. Сам чай нальешь? Все на кухне.

Платон пошел на кухню, походил, покрутился, вернулся в комнату. Анфиса спала...

В кресле тихо спал Платон, равномерное дыхание мужчины не нарушало общий покой комнаты. Анфиса, проснувшись, сквозь остатки сна пыталась вспомнить, кто в ее комнате спит. Она чувствовала второе дыхание.

Глава 5

За окном светлело. Она перевернулась на другой бок и увидела спящего в кресле бывшего мужа. Его не было несколько месяцев, и она успела от него отвыкнуть, но родные флюиды любимого человека вновь стали тревожить сонный покой.

Платон открыл глаза:

– Привет, Анфиса. Проснулась? Я тут как твой сторож сижу. Точнее, охранник. Я тебя от Степана Степановича стерегу.

– Доброе утро, если не шутишь. Еще есть время поспать, ложись на постель.

– Ты не прогонишь? От тебя всего можно ожидать. Устал я жить гонимым мужем. Я еще не выяснил, что здесь делал Степан Степанович. Вы с ним спали? Вот на этой постели?

– Платон, «что было – то было, и нет ничего, люблю, как любила, тебя одного...»

– Опять на песни перешла вместо слов! А я возьму и лягу рядом с тобой.

Анфиса вся потянулась, перевернулась, укрылась одеялом.

Платон прошел в ванную, пошумел водой, вернулся и скромно лег на краю широкой кровати, потом не выдержал, повернулся и нырнул под одеяло к бывшей жене.

Они обнялись порывисто, страстно и привычно...

Степан Степанович зашел в квартиру к Инессе Ивановне:

– Здравствуй, хозяйка! Не прогонишь? Мы одним миром с тобой мазаны, дерево любим.

– Чего от меня хотите?

– Любви.

– Вы в своем уме? – от возмущения у Инессы Ивановны голос стал прерывистым.

– А чего уж я такого предложил? Просто я соскучился. У нас с Вами связь крепче, значит, и любовь будет крепче.

Инесса Ивановна задумалась, вспоминая, что там у нее по плану в ее жизни написано, но вспомнить слова астролога не смогла. Она внимательно посмотрела на Степана Степановича:

– Вам сколько лет, молодой человек?

– Я Степан Степанович, мне много лет, я бобыль. Так чем мы не пара? Я знаю больше о Вас, чем Вы можете представить. Вы старше меня, но лет на семь, не больше, а семь лет никогда не считаются...

– Вам сорок лет? А мне сорок семь. Вроде и не старая женщина.

– А кто сказал, что Вы старая? Кормить меня не надо сегодня. От Вас я в трех автобусных остановках живу. Вы не бойтесь, у меня есть квартира.

– Скажите честно, я смогу от Вас сегодня избавиться? – спросила Инесса Ивановна со смутной тревогой в голосе.

– Вряд ли. Не тянет меня сегодня домой, у Вас уютней. Мне хочется женского уюта, знаете ли. И мне одному жить надоело.

– Платон сейчас вернется.

– Да ни за что Платон от такой бабы не уйдет!

– А ведь Вы правы, ради его счастья можно Вас потерпеть в своем доме.

– И на том спасибо, мне только диван большой нужен.

– Кровать у меня огромная, ложитесь на нее, а я на диване лягу.

Под утро проснулась Инесса Ивановна, спать на диване под пледом ей было неудобно. Она села на диван, сунула ноги в тапки, поправила халат, в котором так и спала из-за чужого для нее человека в квартире. На миг ей показалось, что медведь оказался медвежатником, что

он вскрыл ее сейф и скрылся. Она почувствовала дуновение ветра и тревогу в душе. Набравшись храбрости, женщина вышла в прихожую.

Дверь в комнату, где спал Степан Степанович, была плотно прикрыта. На вешалке для гостей висела его огромная куртка. На полу стояли гигантские кроссовки. Входная дверь светила спокойствием от утренних лучей света, падающих на нее из кухни. Она бесшумно прошла по ковровой дорожке на кухню.

Степан Степанович сидел за столом и смотрел в окно.

– Степан Степанович, почему не спите?

– Меня вчера сам черт попутал, и я к Вам ворвался. Стыдно, знаете ли, на утреннюю голову. А я ведь и не пил вчера. Простите, если можете, я сейчас уйду.

– Я не отпущу Вас. Еще чего доброго, к Анфисе пойдете стучать, звонить! Лучше часок здесь посидите, так надежнее.

– У меня ведь тоже есть сын, ему четырнадцать лет, я с его матерью развелся.

– Так Вы нормальный человек. У Вас все есть. Чего не хватает?

– Женской заботы. Люблю я женское внимание, уход, домашний уют, чистоту.

– Это всем нравится, а чем можете оплатить женское внимание к своей особе?

В куртке, висящей в прихожей, зазвонил сотовый телефон.

Степан Степанович быстрым шагом подошел к куртке, достал из кармана телефон:

– Зинаида, привет! Почему рано звонишь? Что? Где он сейчас? Не знаешь?! Время пять утра! Ладно, еду домой, – прокричал с паузами в трубку Степан Степанович и обратился к Инессе Ивановне, закрывая крышку телефона. – Инесса Ивановна, мне надо уйти. Сын у меня сидит под дверью. Он от матери убежал. А я тут сижу.

– Да, конечно, поезжайте. Машина у Вас есть? Транспорт еще не ходит.

– Я бегом добегу, машины с некоторых пор у меня нет.

– Могу Вас подвезти. Мне и самой интересно, что там с Вашим сыном.

Вскоре Инесса Ивановна предстала перед глазами изумленного Степана Степановича. Она была в джинсах, белых кроссовках, бирюзовом джемпере, связанном поперек, а не вдоль, как обычно вяжут свитера, с ключами от машины и от квартиры, которые она быстро убрала в маленькую сумку, которую тут же повесила на плечо.

Степану Степановичу женщина в новом исполнении пришлась по душе. Они сели в золотистую машину Инессы Ивановны и поехали к его дому по еще пустым улицам города.

Мальчик сидел на школьном рюкзаке и спал под дверью квартиры своего отца. Степан Степанович нежно поднял его, открыл дверь, ведя сонного сына. Следом за ними в берлогу зашла Инесса Ивановна. Однокомнатная квартира дышала запустением, легким налетом пыли. Сына Степан Степанович положил на диван и вышел к Инессе Ивановне.

– Спит Паша, просыпаться не хочет, – сказал шепотом Степан Степанович.

– Пусть спит. Выспится, сам все расскажет. Вы матери его позвоните, пусть не беспокоится.

– Да ни за что ей звонить не буду! Еще чего! Она позвонила мне и обо всем забыла. Пьет она, знаете ли, Инесса Ивановна.

– Трудный случай, тогда ему лучше у Вас жить, чем с матерью.

– И я так думаю. Теперь он большой, сам пусть решает, с кем жить.

– Так я пойду, Вы сами справитесь.

– Останьтесь, простите, но комната одна. Мы с Вами посидим на кухне, пока он спит.

Инесса Ивановна прошла на кухню, звенящую пустотой холодильника, пылью на плите и мужской неприкаянностью.

– Степан Степанович, из чего здесь можно приготовить? У Вас ничего нет!

– Я все куплю, как только магазины откроются.

– Знаете ли, – сказала Инесса Ивановна, непроизвольно повторяя словечко Степана Степановича. – Не люблю готовить на чужой кухне. Сегодня воскресенье, жду Вас с сыном на поздний завтрак, часам к двенадцати.

– Будем, непременно придем, если Паша не заартачится.

В девять часов утра в квартире Инессы Ивановны раздался звонок в дверь, на пороге стоял Платон:

– Мама, у тебя все в порядке?

– Да, проходи.

– Где Степан Степанович? Анфиса спит. На кухне у нее нет никаких продуктов. Есть хочется.

– Вы помирились? Улыбаешься? Значит помирились. Тогда поехали вместе в магазин за продуктами, по дороге расскажу, где я сегодня была.

Они зашли в универсам, взяли корзину на колесиках и стали обходить магазин по зигзагу, собирая все на своем пути и сбрасывая в корзину.

– Мама, чего так много покупаешь продуктов?

– В двенадцать ко мне придет Степан Степанович со своим сыном, и вы приходите с Анфисой. В честь вашего примирения я всех накормлю полным обедом.

В двенадцать часов дом Инессы Ивановны был готов к приему гостей не без помощи Платона. Первой пришла Анфиса, она принесла торт и бутылку марочного крымского вина. Через пять минут появились Степан Степанович и Паша. Резко увеличившаяся семья села вокруг стола на стулья, изготовленные фирмой Степана Степановича.

Завтрак, переходящий в обед и ужин, затянулся на весь день. Платон сидел с Пашей за компьютером. Анфиса мыла посуду после длительной трапезы. Инесса Ивановна со Степаном Степановичем разговаривали в гостиной, сидя в двух больших креслах. Между ними стоял мраморный журнальный столик, на котором стояла ваза с фруктами. Они ели виноград и вели беседу.

– У нас с Пашей сегодня праздник жизни получился, – сказал Степан Степанович, отправляя в рот кисточку с виноградом и вытаскивая пустую ветку.

– Мне приятно вас всех накормить обедом. Я редко собираю дома людей, да и некого особо к себе звать, – сказала Инесса Ивановна, отрывая одну крупную виноградину от большой кисти и отправляя ее в рот красивыми пальцами с элегантным маникюром.

– Рай у Вас, просто рай, Инесса Ивановна! – сказал Степан Степанович, отрывая следующую веточку винограда.

– Оставайтесь у меня с Пашей, – сказала женщина и сама испугалась собственных слов, но забирать их ей казалось неприличным.

– А если мы согласимся, что делать-то с нами будете? Мы много едим, ведь мы крупные мужики.

– Что делать буду? Буду ездить с вами за продуктами. Учить вас готовить. Посуду вы мыть умеете.

– А где мы все поместимся?

– Квартира трехкомнатная. Платон помирился с Анфисой, он у нее будет жить, а вы у меня.

– Так давайте объявим о помолвке, я правильно Вас понял? И перейдем на «ты»?

– Не торопитесь объявлять, это вызовет антагонистические толки в наших славных рядах. Пусть все будет так, как само получится.

В этот момент входная дверь распахнулась. На пороге возникли трое мужчин в масках.

– Всем внимание! – прокричал один мужчина, размахивая в воздухе пистолетом, – Мы пришли раскулачивать директора антикварного магазина! Всем выйти в прихожую с поднятыми руками, а хозяйка пусть откроет добровольно свой сейф! У нее должны быть деньги!

Степан Степанович открыл челюсть, потом сомкнул ее. Он посмотрел, что люди потянулись в прихожую, подгоняемые налетчиками. Инесса Ивановна подошла к комоду, на котором стояла ваза с гладиолусами, словно хотела цветами защитить себя и близких ей людей.

Степан Степанович слегка сжался и медленно вышел в прихожую, там он подмигнул своему сыну, который резко выкинул вверх ногу и выбил пистолет у главаря банды налетчиков. Степан Степанович двумя руками обезоружил двух мужчин и скрутил им руки так, что те закричали от боли.

Через минуту три человека в масках были без масок и держали руки за спиной. Они подбостранно заглядывали в глаза Степану Степановичу. Одним из налетчиков оказался Родион, это он навел грабителей на дом своего директора магазина.

Первая гражданская жена Степана Степановича позвонила второй гражданской жене Степана Степановича и сказала ей:

– Полина, хочешь дочь Инну на каникулы отправить?

– Что, правда? Куда?

– Темнота, Паша мне позвонил, так они с отцом живут у директора антикварного магазина. И живут они как у Христа за пазухой.

– Его девчонку не прокормить, вылитая его дочка!

– Я тебе сказала, а ты думай. Директорша и твою дочь прокормит...

Полина позвонила Степану Степановичу:

– Степан Степанович, где отдыхаешь? Возьми дочь отдохнуть к себе на неделю.

– Ты чего? Да я сам только пристроился!

– Пашу взял, а Инну не берешь?!

– Что за люди, отдохнуть не дают! Вези дочь ко мне домой.

– Нет, ты не дома живешь, а у самой директорши антиквара.

– Хорошо, привози на наше место встречи, я буду там через час.

Через час Степан Степанович стоял рядом с дочкой лет семи и думал, куда пойти, куда податься. Мимо него проехала Инесса Ивановна на золотистом автомобиле, она остановилась рядом со Степаном Степановичем и сказала:

– Степан Степанович, что за красавица с тобой стоит?

– Моя дочь, Инна.

– Имя милое, куда путь держите? Ко мне?

– Что Вы! Мы гуляем. Мать ее дала мне на часовое свидание.

Инна во все глаза смотрела на красивую женщину в золотистой машине.

– Папа, я хочу поехать с этой тетей, у нее машина красивая.

Степан Степанович и Инна сели в машину.

– Степан Степанович, скажи честно, сколько у тебя еще детей?

– У меня всего двое детей, и те живут не со мной. Это дети моих гражданских жен.

– Если только двое, – задумчиво проговорила она, – бери с собой дочь на неделю, больше я не выдержу. Это в качестве премии за спасение от грабителей.

– Спасибо, Инесса Ивановна, век Вам буду благодарен. У нее каникулы начались, она дома у Вас неделю погостит.

Инна пронеслась вихрем по квартире. Она, закончив обход помещений, села в кресло и сказала:

– Папа, мне здесь очень нравится! Я согласна прожить здесь недельку.

Из соседней комнаты вышел Паша. Он с трудом оторвался от очередной игры, которую ему установил Платон, но оставить без ответа слова сестры по отцу он не мог:

– Инна, ты уверена, что тебя здесь оставят жить? Не жирно ли для тебя?

– Здравствуй, Паша! А я буду так себя вести, что меня захотят оставить. Вот!

Она встала с кресла и подошла к Инессе Ивановне:

– Я не буду Вам мешать, тетя! Я буду помогать Вам. Вот!

– Деточка, а что ты умеешь делать, чтобы мне помочь? Раньше я без помощников обходилась, а сейчас бы я от помощи не отказалась.

– Я умею пыль стирать с мебели, могу пол протереть, могу посуду помыть.

– Если ты такая трудолюбивая девочка, то я приму твою помощь. Идем, стол накроем для ужина.

Инна расплылась в довольной улыбке. Она вымыла руки и стала беспрекословно выполнять все команды Инессы Ивановны. Девочка сама пригласила всех к столу, затем на самом деле вымыла всю посуду. Хозяйка квартиры так была удивлена ее усердием, что помимо своей воли предложила ей занять диван в гостевой комнате. Для нее самой оставалось одно спальное место: одна на двоих кровать со Степаном Степановичем...

Степан Степанович усмехнулся, но промолчал. Он сразу понял, что следует из визита дочери в дом с тремя спальными местами. Честно говоря, он был доволен новым обстоятельством в своей жизни. Паша прочно занял комнату Платона, его диван, компьютер и начинал носить его вещи.

У Инны вещей с собой не было, это Инесса Ивановна поняла сразу, поэтому после завтрака она предложила девочке съездить в магазин, до его открытия у них еще было время на сборы. Инна мгновенно оценила ситуацию и покорно пошла за своим новым спонсором. Они купили самые необходимые вещи для жизни в новых условиях в течение недели. Девочка светилась от счастья, она нежно держала руку тети Инессы и подпрыгивала то на одной ноге, то на другой.

Степан Степанович с удивлением заметил, что ему нравится Инесса Ивановна в роли матери его детей. Он даже готов был на главное, а именно на то, чтобы она стала его женщиной. На этот шаг они еще не решались в присутствии Паши, а присутствие Инны, напротив, ускорило их решение быть вместе.

Инесса Ивановна поймала себя на мысли, что играет в чужую жизнь, но эта жизнь все больше ее захватывала своей неожиданностью.

Инна изображала из себя горничную и следила за порядком в квартире. Ее настоящая мать последнее время работала администратором в гостинице. Дети уснули, тишина и темнота окутала квартиру. Двое взрослых людей лежали неподвижно на разных краях большой, массивной кровати с полукруглыми спинками, так они и уснули...

В квартире дети прижились. Шла неделя за неделей, а они все еще жили вчетвером. Инесса Ивановна все чаще забывала о своем отчестве, Степан Степанович называл ее Инесса, дети – тетя Инесса. Но, оставалось большое НО: ничего не было между взрослыми. Они спали под разными одеялами на большой кровати и боялись перейти последнюю границу.

«Я люблю этот славянский шкаф», – думала Инесса Ивановна, вспоминая Степана Степановича, сидя в своем кабинете. Он стоял у нее перед глазами, она очень хотела испытать на ощупь этот славянский шкаф. С каждым днем ей все сложнее становилось держать нейтралитет.

– Инесса Ивановна, – ворвалась в кабинет продавщица Лена. – Там, там привезли славянский шкаф!

– Что с ним? Он ранен? – спросила Инесса Ивановна, продолжая думать о Степане Степановиче.

– Это шкаф. Он очень старый, но сколов на нем не видно.

– Какой шкаф, Леночка?

– Идемте со мной, шкаф в Вашем кабинете не поместится.
Они вышли на улицу.

На фоне кустов цветущей сирени стоял его величество славянский шкаф! Это был уникальный экземпляр славянского шкафа! Метра два шириной, метра два высотой. Он немного напоминал сервант, секретер, шкафы для одежды, но в одном флаконе.

Шкаф из дуба – это Инесса Ивановна сразу определила по рисунку древесины, из которой был выполнен чудовищный красавец. Весь шкаф с большим мастерством и вкусом был украшен вензелями. Рядом стояли четыре дюжих молодца в униформе строителей.

– Кто хозяин шкафа? – обратилась она к рабочим в спецодежде.

– Мы, – хором ответили богатыри со стройки. – Понимаете, мы старые дома сносим под новые застройки. Мы обходили дом перед тем, как его сломать, и нашли этот шкаф, он был закрыт старыми досками и всяким хламом. Хозяева шкафа уехали в новый дом, а шкаф сдвинуть не смогли. Мы его с трудом к вам привезли. Возьмите шкафчик, пожалуйста.

– Кому я его продам, он такой большой, – начала Инесса Ивановна сбивать цену.

– Понимаем, гражданочка. Вы не беспокойтесь, мы много не просим. Заплатите нам, сколько сможете, а мы на четверых деньги и разделим и забудем друг о друге.

– Хорошо, занесите его на склад. Шкаф еще реставрировать надо.

– Без проблем.

Рабочие взяли деньги, один из них оказался с паспортом, на него и записали сданный в магазин шкаф. Рабочий взял деньги с чеком через кассу, разделил их перед кассой на четыре части, и они отбыли на свою стройку.

Инесса Ивановна вызвала реставратора мебели, который при виде шкафа наполнился счастьем до краев и приступил к любимой реставрационной работе.

Вскоре на пороге кабинета директора возник Родион.

– Здравствуйте, Инесса Ивановна, – заговорил он.

– Родион, ты откуда и куда? И без пистолета?

– Инесса Ивановна, простите меня, пожалуйста! Мы пошутили. Пистолеты у нас были деревянные, их мой отец столяр делал для театра. Я взял три деревянные игрушки. Ребята захотели приколоться. Мы только пошутить хотели. Из милиции нас выпустили за отсутствием улик.

– У меня слов нет. Что ты от меня хочешь, гражданин Родион Селедкин?

– Хочу вернуться на работу.

– Свести у тебя нет! Грабить своего директора магазина! Но работник ты хороший, с этим не поспоришь. Так что говоришь? Твой отец – столяр? Хороший? А шкаф сделать сможет?

– Да без вопросов.

– Прощу тебя ради твоего отца, только приведи его сюда.

– Отец здесь, он ждет меня на улице у кустов сирени. Обожает отец сирень.

Столяр Селедкин зашел в кабинет, снял кепку, наклонил голову в знак приветствия. Инесса Ивановна и столяр нашли общий язык. Столяр согласился сделать еще один шкаф из дуба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.